

БУКОО «Библиотека им. М. М. Пришвина»
Научно-методический отдел

12+

«И в книге музыка звучит...»

дайджест по произведениям
классической и современной русской литературы

Орёл
2026

БУКОО «Библиотека им. М. М. Пришвина»
Научно-методический отдел

12+

«И в книге музыка звучит...»

дайджест по произведениям
классической и современной русской литературы

Орёл
2026

ББК 91.9.84

85.31

И 11

Члены редакционного совета: И. А. Никашкина, В. Н. Арифанова,
Е. М. Аничкина, О.В. Лысанова, М. Н. Сорокина, Г.Н. Щиголева, И. А.
Карлова.

Составитель А. Г. Ноготкова

«И в книге музыка звучит...»: дайджест по произведениям
классической и современной русской литературы/ БУКОО «Библиотека
им. М. М. Пришвина» ; составитель А. Г. Ноготкова. – Орёл, 2026. – 96 с.

Дайджест предназначен специалистам детских библиотек, педагогам и
воспитателям.

Оглавление

От составителя.....	2
1. Астафьев Виктор Петрович.....	3
2. Бажов Павел Петрович	9
3. Белых Григорий, Пантелеев Алексей	9
4. Булгаков Михаил Афанасьевич	11
5. Бунин Иван Алексеевич	13
6. Гоголь Николай Васильевич	16
7. Гончаров Иван Александрович.....	21
8. Горький Максим.....	22
9. Достоевский Фёдор Михайлович	23
10. Ильф Илья, Петров Евгений	25
11. Короленко Владимир Галактионович	27
12. Куприн Александр Иванович.....	32
13. Лесков Николай Семёнович.....	33
14. Нагибин Юрий Маркович	38
15. Островский Александр Николаевич	40
16. Пушкин Александр Сергеевич.....	42
17. Рекемчук Александр Евсеевич	45
18. Твардовский Александр Трифонович	54
19. Толстой Лев Николаевич.....	56
20. Тургенев Иван Сергеевич.....	68
21. Чехов Антон Павлович	79
22. Шолохов Михаил Александрович.....	80
Список литературы	85
Алфавитный указатель авторов	88
Алфавитный указатель заглавий	89
Предметный указатель музыкальных произведений.....	91

От составителя

Музыка – это не просто искусство звуков, это язык, который способен передать самые глубокие эмоции и переживания. Она сопровождает нас на протяжении всей жизни, наполняя её красотой и гармонией.

Но можно ли описать музыку словами? Этот вопрос волновал многих писателей, которые стремились передать в своих произведениях не только звучание музыкальных произведений, но и ту магию, которую они несут в себе.

В этом дайджесте мы предлагаем вам познакомиться с литературными произведениями, так или иначе связанными с музыкой.

Представленные в дайджесте книги написаны разными авторами и в разное время. В одних книгах музыка присутствует в самой теме, в других – в названии произведения, в третьих – является профессией героев или значима в их духовной жизни.

Каждое произведение, представленное в дайджесте, даёт возможность окунуться в мир музыкальных образов и эмоций, увидеть, как музыка влияет на судьбы героев.

Мы надеемся, что этот сборник станет для вас не только источником вдохновения, но и настоящим путешествием в мир литературы и музыки.

Сборник адресован специалистам библиотек, образовательных учреждений и всем тем, кто любит музыкальное творчество!

Приятного чтения!

1. Астафьев Виктор Петрович

Виктор Петрович Астафьев, словно музыкант, тонко чувствовал гармонию мира и вплетал её в свои произведения. Музыка для него была не просто звуком, а живым мостом, связывающим человека с природой, добротой и красотой, а также живым дыханием его творчества.

Астафьев В. П. видел в музыке нечто большее, чем просто искусство – он считал её духовным инструментом, способным вести с человеком честный и искренний диалог.

Сам писатель говорил: «Музыка – это самое честное из всего, что человек взял в природе и отзвуком воссоздал и воссоединил, и только музыке дано беседовать с человеком наедине, касаться каждого сердца по отдельности».

Астафьев, В. П. Последний поклон. В 2 т. Т. 1. Ангел-хранитель / В. П. Астафьев. – Екатеринбург : У-Фактория, 2003. – С. 109-117. –Текст : непосредственный.

«Раз Кеша связал два толстых бревна завалившим концом верёвки и сначала плыл ладно, песню пел: *«Налеко в стране Иркутской»*. (С. 112)

«Ангел-хранитель» (12+)

Астафьев, В. П. Последний поклон. В 2 т. Т. 1. Бабушкин праздник / В. П. Астафьев. – Екатеринбург : У-Фактория, 2003. – С. 164-191. –Текст : непосредственный.

«Дед встретил меня на заимке хмуро, и перво-наперво надо было ликвидировать его мрачное настроение. Как ни в чём не бывало включился я в дела, схватил ведро, зазвенел им и побежал к ключу. Затем развёл огонь, намыл картошек, заорал:

*Распроклятая картошка,
Что ж ты долго не кипишь?
Гости все поцеловались,
Ты холодная стоишь!..*

Эть, клюнуло! Дедушка потянул воздух широкой ноздрей и ухмыльнулся в бороду». (С. 166-167)

«Бабушкин праздник» (12+)

«Мужичьё! Тих-ха! Мама, заводи!
- Да где уж мне, девки? Обезголосела я.
- Помогнём!
- Ну уж, ладно уж, будь по-вашему, – смягчилась бабушка, голос у неё такой, будто она век всем уступала:

Тее-чё-от ре-е-еченька-а-а-а...

Те-ечё-т бы-ы-ыстрая-а-а-а...

Бабушка запевала стоя, негромко, чуть хрипловато и сама себе помахивала рукой. У меня почему-то сразу же начало коробить спину, и по всему телу россыпью колючек пробежал холод от возникшей внутри меня восторженности. Чем ближе подводила бабушка запев к общеголосью, чем напряжённей становился её голос и бледней лицо, тем гуще вонзались в меня иглы, казалось, кровь густела и останавливалась в жилах.

Он, да как по то-о-ой

По реке-е-е-е...

Сильными, ещё не испетыми, не перетруженными голосами грянуло застолье, и не песню, бабушку, думалось мне, с трудом дошедшую до сынов своих и дочерей, подхватили они, подняли и понесли, легко, восторженно, сокрушая всё худое на пути, гордясь собою и тем человеком, который произвёл их на свет, выстрадал и наделил трудолюбивой песенной душой.

Песня про реченьку протяжная, величественная. Бабушка всё уверенней выводит её, удобней делает для подхвата. И в песне она заботится о том, чтобы детям было хорошо, чтоб всё пришлось им впору, будила бы песня только добрые чувства друг к другу и навсегда оставляла бы неизгладимую память о родном доме, о гнезде, из которого они вылетели, но лучше которого нет и не будет уж никогда». (С. 182-183)

«Бабушкин праздник» (12+)

«Ребятишки столпились в дверях горницы, ждали музыки с замиранием сердца. И вот пошла она, музыка! Мишка Коршуков широко развёл гармошку и тут же загнул её немыслимым кренделем. Оттуда, из заплатного этого кренделя, чуть гнусавая, ушибленная, потому как Мишка не раз уже разрывал гармонь пополам, вынеслась мелодия, на что-то похожая, но узнать её и тонкому уху непросто.

Мишка дал направление:

Раз полоску Маша жала,

За-ла-ты снопы вязала-а-а-а,

Э-эх, мо-ло-да-ая-а-а-а...

И все радостно подхватили:

Э-эх, мо-ло-да-ая-а-а-а...

Сделав начин, Мишка наяривал, подпрыгивал на скамейке, будто на лошади» (С. 185)

«Бабушкин праздник» (12+)

Астафьев, В. П. Последний поклон. В 2 т. Т. 1. Далёкая и близкая сказка / В. П. Астафьев. – Екатеринбург : У-Фактория, 2003. – С. 7--20. – Текст : непосредственный.

«Один я, один, кругом жуть такая, и ещё музыка – скрипка. Совсем-совсем одинокая скрипка. И не грозитя она вовсе. Жалуетя. И совсем ничего нет жуткого. И бояться нечего. Дурак-дурачок! Разве музыки можно бояться? Дурак-дурачок, не слушал никогда один-то, вот и...»

Музыка льётся тише, прозрачней, слышу я, и у меня отпускает сердце. И не музыка это, а ключ течёт из-под горы. Кто-то припал к воде губами, пьёт, пьёт и не может напиться – так иссохло у него во рту и внутри.

Видится почему-то тихий в ночи Енисей, на нём плот с огоньком. С плота кричит неведомый человек: «Какая деревня-а-а?» – Зачем? Куда он плывёт? И ещё обоз на Енисее видится, длинный, скрипучий. Он тоже уходит куда-то. Сбоку обоза бегут собаки. Кони идут медленно, дремотно. И ещё видится толпа на берегу Енисея, мокрое что-то, замкнутое тиной, деревенский люд по всему берегу, бабушка, на голове волосья рвущая.

Музыка эта рассказывает о печальном, о болезни вот о моей говорит, как я целое лето малярией болел, как мне было страшно, когда я перестал слышать и думал, что навсегда буду глухим, вроде Алёшки, двоюродного моего брата, и как являлась ко мне в лихорадочном сне мама, прикладывала холодную руку с синими ногтями ко лбу. Я кричал и не слышал своего крика». (С. 7)

«Далекая и близкая сказка» (12+)

«О чём же это рассказывала мне музыка? Про обоз? Про мёртвую маму? Про девочку, у которой сохнет рука? На что она жаловалась? На кого гневалась? Почему так тревожно и горько мне? Почему жалко самого себя? И тех вон жалко, что спят непробудным сном на кладбище. Среди них под бугром лежит моя мама, рядом с нею две сестрёнки, которых я даже не видел: они жили до меня, жили мало, – и мать ушла к ним, оставила меня одного на этом свете, где высоко бьётся в окно нарядной траурницей чьё-то сердце.

Музыка кончилась неожиданно, точно кто-то опустил властную руку на плечо скрипача: «Ну, хватит!» На полуслове смолкла скрипка, смолкла, не выкрикнув, а выдохнув боль. Но уже, помимо неё, по своей воле другая какая-то скрипка взвивалась выше, выше и замирающей болью, затиснутым в зубы стоном оборвалась в поднебесье...» (С. 8-9)

«Далекая и близкая сказка» (12+)

«Он вскинул к плечу скрипку и заиграл.

Прошло немалое время, пока я узнал музыку. Та же самая была она, какую слышал я у завозни, и в то же время совсем другая. Мягче, добрее, тревога и боль только угадывались в ней, скрипка уже не стонала, не сочилась её душа кровью, не бушевал огонь вокруг и не рушились камни.

Трепетал и трепетал огонёк в печке, но, может, там, за избушкой, на увале засветился папоротник. Говорят, если найдёшь цветок папоротника – невидимкой станешь, можешь забрать всё богатства у богатых и отдать их бедным, выкрасть у Кощея Бессмертного Василису Прекрасную и вернуть её

Иванушке, можешь даже пробраться на кладбище и оживить свою родную мать.

Разгорелись дрова подсечённой сухостоины – сосны, накалилось до лиловости колено трубы, запахло раскалённым деревом, вскипевшей смолой на потолке. Избушка наполнилась жаром и грузным красным светом. Поплясывал огонь, весело прищёлкивала разогнавшаяся печка, выстреливая на ходу крупные искры.

Тень музыканта, сломанная у поясницы, металась по избежке, вытягивалась по стене, становилась прозрачной, будто отражение в воде, потом тень отдалялась в угол, исчезала в нём, и тогда там обозначался живой музыкант, живой Вася-поляк. Рубаха на нём была расстёгнута, ноги босы, глаза в тёмных обводах. Щекою Вася лежал на скрипке, и мне казалось, так ему покойней, удобней и слышит он в скрипке такое, чего мне никогда не услышать.

Когда притухала печка, я радовался, что не мог видеть Васиного лица, бледной ключицы, выступившей из-под рубахи, и правой ноги, кургузой, куцей, будто обкусанной щипцами, глаз, плотно, до боли затиснутых в чёрные ямки глазниц. Должно быть, глаза Васи боялись даже такого малого света, какой выплёскивался из печки.

В полутьме я старался глядеть только на вздрагивающий, мечущийся или плавно скользящий смычок, на гибкую, мерно раскачивающуюся вместе со скрипкой тень. И тогда Вася снова начинал представляться мне чем-то вроде волшебника из далёкой сказки, а не одиноким калекою, до которого никому нет дела. Я так засмотрелся, так заслушался, что вздрогнул, когда Вася заговорил.

– Эту музыку написал человек, которого лишили самого дорогого. – Вася думал вслух, не переставая играть. – Если у человека нет матери, нет отца, но есть родина, – он ещё не сирота. – Какое-то время Вася думал про себя. Я ждал. – Всё проходит: любовь, сожаление о ней, горечь утрат, даже боль от ран проходит, но никогда-никогда не проходит и не гаснет тоска по родине...

Скрипка снова тронула те самые струны, что накалились при давешней игре и ещё не остыли. Рука Васина снова содрогнулась от боли, но тут же смирилась, пальцы, собранные в кулак, разжались.

– Эту музыку написал мой земляк *Огинский* в корчме – так называется у нас заезжий дом, – продолжал Вася. – Написал на границе, прощаясь с родиной. Он посылал ей последний привет. Давно уже нет композитора на свете. Но боль его, тоска его, любовь к родной земле, которую никто не мог отнять, жива до сих пор.

Вася замолчал, говорила скрипка, пела скрипка, угасала скрипка. Голос её становился тише, тише, он растягивался в темноте тонюсенькой светлой паутинкой. Паутинка задрожала, качнулась и почти беззвучно оборвалась». (С. 10-11)

«Далекая и близкая сказка» (12+)

«Неожиданно в доме, стоявшем через улицу от меня, разлились звуки органа. От дома этого при бомбежке отвалился угол, обнажив стены с нарисованными на них сухощёкими святыми и мадоннами, глядящими сквозь копоть голубыми скорбными глазами. До потёмок глазели эти святые и мадонны на меня. Неловко мне было за себя, за людей, под укоряющими взглядами святых, и ночью нет-нет да выхватывало отблесками пожаров лики с повреждёнными головами на длинных шеях.

Я сидел на лафете пушки с зажатым в коленях карабином и покачивал головой, слушая одинокий среди войны орган. Когда-то, после того как я послушал скрипку, мне хотелось умереть от непонятной печали и восторга. Глупый был. Малый был. Я так много увидел потом смертей, что не было для меня более ненавистного, проклятого слова, чем «смерть». И потому, должно быть, музыка, которую я слушал в детстве, переломилась во мне, и то, что пугало в детстве, было вовсе и не страшно, жизнь припасла для нас такие ужасы, такие страхи...

Да-а, музыка та же, и я вроде бы тот же, и горло мое сдавило, стиснуло, но нет слёз, нет детского восторга и жалости чистой, детской жалости. Музыка разворачивала душу, как огонь войны разворачивал дома, обнажая то святых на стене, то кровать, то качалку, то рояль, то тряпки бедняка, убогое жилище нищего, скрытые от глаз людских – бедность и святость, – всё-всё обнажилось, со всего сорваны одежды, всё подвергнуто унижению, всё вывернуто грязной изнанкой, и оттого-то, видимо, старая музыка повернулась иной ко мне стороною, звучала древним боевым кличем, звала куда-то, заставляла что-то делать, чтобы потухли эти пожары, чтобы люди не жались к горящим развалинам, чтобы зашли они в свой дом, под крышу, к близким и любимым, чтобы небо, вечное наше небо, не подбрасывало взрывами и не сжигало адовым огнём.

Музыка гремела над городом, глушила разрывы снарядов, гул самолётов, треск и шорох горящих деревьев. Музыка властвовала над оцепенелыми развалинами, та самая музыка, какую, словно вздох родной земли, хранил в сердце человек, который никогда не видел своей родины, но всю жизнь тосковал о ней». (С.17-18)

«Далекая и близкая сказка» (12+)

Астафьев, В. П. Последний поклон. В 2 т. Т. 1. Конь с розовой гривой / В. П. Астафьев. – Екатеринбург : У-Фактория, 2003. – С. 37-49. – Текст : непосредственный.

«В один благой день, может быть, и вечер дядя Левонтий качал зыбку и, забывшись, затянул песню морских скитальцев, слышанную в плаваниях, – он когда-то был моряком.

*Приплыл по акияну
Из Африки матрос,
Малютку облизьяну*

Он в ящике привёз...

Семейство утихло, внимая голосу родителя, впитывая очень складную и жалостную песню. Село наше, кроме улиц, посадов и переулков, скроено и сложено ещё и попесенно – у всякой семьи, у фамилии была «своя», коронная песня, которая глубже и полнее выражала чувства именно этой и никакой другой родни. Я и поныне, как вспомню песню «Монах красотку полюбил», – так и вижу Бобровский переулок и всех бобровских, и мураши у меня по коже разбегаются от потрясенности. Дрожит, сжимается сердце от песни «шахматовского колена»: «Я у окошечка сидела, Боже мой, а дождик капал на меня». И как забыть фокинскую, душу рвущую: «Понапрасну ломал я решётчку, понапрасну бежал из тюрьмы, моя милая, родная жёнушка у другого лежит на груди», или дяди моего любимую: «Однажды в комнате уютной», или в память о маме-покойнице, поющуюся до сих пор: «Ты скажи-ка мне, сестра...» Да где же всё и всех-то упомнишь? Деревня большая была, народ голосистый, удалой, и родня в коленях глубокая и широкая.

Но все наши песни скользом пролетали над крышей поселенца дяди Левонтия – ни одна из них не могла растревожить закаменелую душу боевого семейства, и вот на тебе, дрогнули левонтьевские орлы, должно быть, капля-другая моряцкой, бродяжьей крови путалась в жилах детей, и она-то размыла их стойкость, и когда дети были сыты, не дрались и ничего не истребляли, можно было слышать, как в разбитые окна, и распахнутые двери выплескивается дружный хор:

*Сидит она, тоскует
Все ночи напролёт
И песенку такую
О родине поёт:
«На тёплом-тёплом юге,
На родине моей,
Живут, растут подруги
И нет совсем людей...»*

Дядя Левонтий подбуровливал песню басом, добавлял в неё рокоту, и оттого и песня, и ребята, и сам он как бы менялись обликом, красивше и сплочённей делались, и текла тогда река жизни в этом доме покойным, ровным руслом. Тётка Васенья, непереносимой чувствительности человек, оросив лицо и грудь слезьми, подвывая в старый прожжённый фартук, высказывалась насчёт безответственности человеческой – сгрёб вот какой-то пьяный охламон облизьянку, утащил её с родины невесть зачем и на чё? А она вот, бедная, сидит и тоскует все ночи напролёт... И, вскинувшись, вдруг впивалась мокрыми глазами в супруга – да уж не он ли, странствуя по белу свету, утворил это чёрно дело?! Не он ли свистнул облизьянку? Он ведь пьяный не ведаёт, чего творит!» (С. 47)

«Конь с розовой гривой» (12+)

2. Бажов Павел Петрович

Музыкальность Павла Петровича Бажова, словно драгоценный камень, сверкает в его сказах, наполняя их уникальной мелодией, ритмическим узором и неповторимой звуковой палитрой. Язык его произведений, словно мелодия, льётся свободно и естественно, создавая неповторимую атмосферу.

Эти сказания стали источником вдохновения для множества композиторов, которые превратили их в музыкальные шедевры: оперы, балеты, симфонии, хоры и даже саундтреки к фильмам и спектаклям. Композиторов привлекало не только содержание и персонажи, но и сам дух творчества Бажова: его любовь к родной земле, уважение к труду простых людей и стремление к философским размышлениям о жизни.

Писатель с теплотой отзывался о музыке: «Музыка мне понравилась, но судить о ней не берусь по причине моей музыкальной подготовки. Уверен лишь, что музыкальная иллюстрация сказов нелегка, так как в них исключительно зрительный ряд».

Бажов, П. П. Каменный цветок. Текст : непосредственный / П. П. Бажов // Бажов, П. П. Малахитовая шкатулка / П. П. Бажов. – Москва : Просвещение, 1085. – С. 127-140. – (Школьная библиотека).

«Одно Данилушке далось. На рожке он играть научился – куда старику! Чисто на музыке какой. Вечером, как коров пригонят, девки-бабы просят:

- Сыграй, Данилушко, песенку.

Он и начнёт наигрывать. И песни всё незнакомые. Не то лес шумит, не то ручей журчит, птички на всякие голоса перекликаются, а хорошо выходит. Шибко за те песенки стали женщины привечать Данилушку. Кто пониточек починит, кто холста на онучи отрежет, рубашонку новую сошьет. Про кусок и разговору нет, – каждая норовит дать побольше да послаще. Старику пастуху тоже данилушковы песни по душе пришлись. Только и тут маленько неладно выходило. Начнёт Данилушко наигрывать и всё забудет, ровно и коров нет». (С. 51)

«Каменный цветок» (6+)

3. Белых Григорий, Пантелеев Алексей

Григорий Белых и Алексей Пантелеев не создали литературные произведения, посвящённые музыке. Однако их знаменитая повесть «Республика ШКИД» (1927) звучит, как грустная мелодия, рассказывая о судьбах беспризорных детей в школе имени Достоевского.

В этой повести музыка оживает в самых неожиданных местах: пение под отбивание мелодии на зубах (зубарики), исполнение директором школы гимна «Гаудеамус» и романса «Клянусь я сердцем и мечом».

Белых, Г. Республика ШКИД : повесть / Г. Белых, Л. Пантелеев. – Москва : Детская литература, 2025. – 445 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

«Песню никто не знал, но из вежливости подтягивали, пока Гога, ухарски потряхнув чёрной головой, не начинал играть «Яблочко» на «зубарях»

«Зубари», или «зубарики», были любимой музыкой в Шкиде, и всякий новичок прежде всего старательно и долго изучал это сложное искусство, чтобы иметь право участвовать в общих концертах.

Для зубарей важно было иметь слух и хорошие зубы, остальное приходило само собой. Техника этого дела была такая. Играли на верхних зубах, выщёлкивая мотив ногтями четырёх пальцев, а иногда и восьми пальцев, когда зубарили сразу двумя руками. Рот при этом то открывался широко, то почти совсем закрывался. От этого получались нужной высоты звуки. Спецы по зубарям доходили до такой виртуозности, что могли без запинки сыграть любой самый сложный мотив.

Таким виртуозом был Гога. Будучи заикой, он не мог петь и всецело отдался зубарикам. Он был одновременно и дирижером, и солистом шкидского оркестра зубарей. Обнажив белые крупные зубы, Гога мечтательно закидывал голову и быстрой дробью начинал выбивать мелодию. Потом подхватывал весь оркестр, и среди наступившей тишины слышался отчаянный треск зубариков». (С. 11)

«Республика ШКИД» (12+)

« - А вы нам спойте что-нибудь, – предложил Японец.

- Верно, спойте, – поддержали и остальные.

Пал Ваньч усмехнулся.

- Говорите, спеть? Гм... А урок?..

- Ладно, урок потом. Успеется, – успокоил Мамочка, не отличавшийся большой любовью к урокам.

- Ну ладно, будь по-вашему, – сдался воспитатель. – Только что же вам спеть? – нахмурился он, потирая лоб.

- Да ладно. Спойте что-нибудь из оперы, – раздались нетерпеливые голоса.

- Арию какую-нибудь!

- Арию! Арию!

- Ну, хорошо. Арию так арию. Я спою арию *Ленского* из оперы «Евгений Онегин». Ладно?

- Валите, пойте!

- Даёшь! Чего там.

Пал Ваньч откашлялся и запел вполголоса:

Куда, куда, куда вы удалились,

Весны моей златые дни?

Что день грядущий мне готовит...

Пел он довольно хорошо. Мягкий голос звучал верно, и, когда были пропеты заключительные строки, класс шумно зааплодировал». (С. 67-68)

«Республика ШКИД» (12+)

«В это время внизу Бобёр закончил лихую песенку «Ай-ай, Петроград», загрустил и перешёл на романс:

В шумном платье муаровом,

В макинтоше резиновом...

Потом затянул было «Разлуку», но тут же оборвал себя и громко зевнул». (С. 88)

«Республика ШКИД» (12+)

«Бессовестин играл марш на мотив известной песни:

По улицам ходила

Большая крокодила,

Он, она

Голодная была». (С.233)

«Республика ШКИД» (12+)

4. Булгаков Михаил Афанасьевич

«Потребность слушать музыку для меня очень характерна. Можно сказать, что музыку, хорошую, я обожаю. Способствует творчеству», – писал Михаил Афанасьевич Булгаков.

Писатель вырос в семье, где музыка занимала важное место. М. А. Булгаков виртуозно играл на рояле и скрипке, обладал приятным голосом, занимался пением, мечтал о карьере оперного артиста.

В произведениях М. А. Булгакова можно найти упоминания о его любимых музыкальных сочинениях, таких как «Фауст», «Аида», «Травиата» и «Евгений Онегин». Также в его текстах звучат произведения Верди, Чайковского, Глинки, Римского-Корсакова, Бородина и Вагнера. Среди классических произведений встречаются частушки, дворовые песни и солдатские марши.

Булгаков, М. Мастер и Маргарита: Роман / М. Булгаков. – Москва : ООО «Издательство АСТ», 2001. – 448 с. – (Мастера. Классика). – Текст : непосредственный.

«Поплавав, барышня вдруг вздрогнула, истерически крикнула:

- Вот опять! – и неожиданно запела дрожащим сопрано:

Славное море священный Байкал...

Курьер, показавшийся на лестнице, погрозил кому-то кулаком и запел вместе с барышней незвучным, тусклым баритоном:

Славен корабль, омулёвая бочка!..

К голосу курьера присоединились дальние голоса, хор начал разрастаться, и, наконец, песня загремела во всех углах филиала. В ближайшей комнате № 6, где помещался счётно-проверочный отдел, особенно выделялась чья-то мощная с хрипотцой октава. Аккомпанировал хору усиливающийся треск телефонных аппаратов.

Гей, Баргузин... пошевеливай вал!.. – орал курьер на лестнице.

Слёзы текли по лицу девицы, она пыталась стиснуть зубы, но рот её раскрывался сам собою, и она пела на октаву выше курьера:

Молодцу быть недалечко!

Поражало безмолвных посетителей филиала то, что хористы, рассеянные в разных местах, пели очень складно, как будто весь хор стоял, не спуская глаз с невидимого дирижёра.

Прохожие в Ваганьковском останавливались у решётки двора, удивляясь веселью, царящему в филиале.

Как только первый куплет пришёл к концу, пение стихло внезапно, опять-таки как бы по жезлу дирижёра». (С. 212-213)

«Мастер и Маргарита» (12+)

Булгаков, М. Собачье сердце. – Текст : непосредственный / М. Булгаков // Булгаков, М. Собачье сердце : Повести и рассказы / М. Булгаков. – Москва : Издательство Фолио, 2001. – 322 с. – (Мастера).

«*От Севильи до Гренады... В тихом сумраке ночей*», – запел над ним рассеянный и фальшивый голос». (С. 15)

«Собачье сердце» (12+)

«*-Р-раздаются серенады, раздаётся стук мечей!*». Ты зачем, бродяга, доктора укусил? А? Зачем стекло разбил? А?» (С. 15)

«Собачье сердце» (12+)

«В отделении глухо позвякивали склянки. Тяпнутый убирал в шкафах смотровой.

Седой же волшебник сидел и напевал:

- *«К берегам священным Нила...»*

Пёс видел страшные дела. Руки в скользких перчатках важный человек погружал в сосуд, доставал мозги, – упорный человек, настойчивый, всё чего-то добивался, резал, рассматривал, шурился и пел:

- *«К берегам священным Нила...»* (С. 95) *«Собачье сердце» (12+)*

5. Бунин Иван Алексеевич

Музыка в жизни Ивана Алексеевича Бунина началась с детства, когда он слушал пение своих родителей и крестьянских девушек. Эти звуки навсегда остались в его сердце: пение жаворонка в поле, звон овсянки среди высоких хлебов, соловьиные трели в лесах.

Произведения писателя пронизаны музыкальностью, наполнены мелодичными образами. В каждом его слове звучит мелодия, каждый образ наполнен певучестью и гармонией.

Бунин, И. А. Антоновские яблоки. – Текст : непосредственный / И. А. Бунин // Бунин, И. А. Чистый понедельник / И. А. Бунин. – Москва : Детская литература, 2005. – С. 25-39. – (Школьная библиотека).

«А вечером на каком-нибудь глухом хуторе далеко светятся в темноте зимней ночи окна флигеля. Там, в этом маленьком флигеле, плавают клубы дыма, тускло горят сальные свечи, настраивается гитара...

*На сумерки буен ветер загулял,
Широки мои ворота растворял, –*

начинает кто-нибудь грудным тенором. И прочие нескладно, прикидываясь, что они шутят, подхватывают с грустной, безнадежной удалью:

*Широки мои ворота растворял,
Белым снегом путь-дорогу заметал...» (С. 38)*

«Антоновские яблоки» (12+)

Бунин, И. А. Жизнь Арсеньева. – Текст : непосредственный / И. А. Бунин // Бунин, И. А. Жизнь Арсеньева. Тёмные аллеи / И. А. Бунин. – Москва : Дрофа, 2003. – С. 5-179. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

«Из кухни, в лад долгому осеннему вечеру, слышался drobный стук и протяжное: *«У церкви стояла карета, там пышная свадьба была...»* – это пели и рубили на зиму острыми сечками свежие тугие кочаны капусты слободские девки-поденщицы. И во всём, – в этой мещанской песне, в мерном хозяйственном стуке, в старой лубочной картине, даже в покойнике, жизнь которого всё ещё как бы длилась в этом бессмысленно-счастливым житии подворья, – была какая-то сладкая и горькая грусть...» (С. 194)

«Жизнь Арсеньева» (12+)

«Они говорили, а я слушал: *«Ой, на горі та жєнци жнуть...»* Песня рассказывала, что на горе жнут хлеборобы, текла ровно, долго, грустью

разлуки, потом крепла и звучала твёрдо – волей, далью, отвагой, воинским ладом:

*А по-під горою,
По-під високою
Козаки йдуть!*

Песня протяжно и грустно любовалась, как течёт по долине казацкое войско, как ведёт его славный Дорошенко, едет впереди всех. А за ним, говорила она, за ним Сагайдачный,

*Шо проміняв жінку
На тютюн та люльку,
Необачний...*

Она медлила, гордо дивилась столь странному человеку. Но вслед за тем была в литавры с особенно радостной волей:

*Мені з жінкою
Не возиться!
А тютюн та люлька
Козаку в дорозі
Знадобиться!*

Я слушал, грустно и сладко чему-то завидуя». (С. 245-246)

«Жизнь Арсеньева» (12+)

Бунин, И. А. Таня. – Текст : непосредственный / И. А. Бунин // Бунин, И. А. Жизнь Арсеньева. Тёмные аллеи / И. А. Бунин. – Москва : Дрофа, 2003. – С. 341-357. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

«Но вот стало вечереть. Она взглянула ещё раз на пустой двор в блестящем насте и поднялась, твёрдо сказав себе: конец, никого мне больше не нужно, ничего не желаю я ждать! – и пошла, наряжённая, гуляющим шагом по залу, по гостиной, в свете зимней, жёлтой зари из окон, громко и беззаботно запела – с облегчением конченной жизни:

*Уж как выйду я в сад,
Во зелёный сад,
Во зелёный сад гулять,
Своего милова встречать!» (С. 354)*

«Таня» (12+)

Бунин, И. Учитель. – Текст : непосредственный / И. Бунин / Бунин, И. Первая любовь : Повести и рассказы. 1892-1909 / И. Бунин. – Москва : ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 50-86. – (Классическая проза).

«Играл член суда.

- Что это? – спросил сидевший около него старик-помещик, обращаясь к хозяйке.

- *Соната Грига*. Вы не знаете?

- Десять лет не играл, – сказал помещик со вздохом, – а хорошо!

- Чудо! – подтвердила хозяйка.

Музыка Грига решительно не нравилась Турбину. Звуки лились вычурно, быстро и не трогали его сердца. Он чувствовал, что она так же чужда ему, как всё общество, окружавшее его. В начале вечера он всё ждал, что будет что-то хорошее. Теперь это чувство ослабело. Он думал, что надо идти домой, что никому он не нужен. Никто даже не поинтересовался им, не поговорил, чтобы узнать, что он за человек. Даже хозяин только предупредительно, беспокойно вежлив с ним...

Музыка смолкла. «Посижу ещё, послушаю немного и уйду», – решил Турбин. Но поднялся разговор о Григе. Старик-помещик добродушно-насмешливо покачивал головой. «Хорошо, а не забираючивает», – говорил он. Член суда горячился, доказывая, что «Григ великолепен».

И, покачивая головою, тихо начал «Белые ночи» Чайковского:

Какая ночь! На всём какая нега!

Турбин не знал ни этих слов, ни Чайковского; но при первых же чистых звуках мелодии у него дрогнуло сердце: что-то нежно-призывающее было в них; а когда эти зовущие звуки определились в томительно-грустные, Турбину захотелось плакать.

Но рояль стих. Турбин встал: ему хотелось ещё музыки, но он не знал, что назвать. Он подумал о «*Молитве девы*»... но это было как-то неловко сказать.

- Будьте добры, сыграйте ещё что-нибудь, – обратился он к члену суда.

- Что же? – спросил тот, перебирая ноты.

- Что-нибудь Бетховена.

Член суда посмотрел на него внимательно.

- Сонату? – спросил он. Турбин в смущении качнул станом.

- Да, сонату...» (С.73-74)

«Учитель» (12+)

Бунин, И. А. Чистый понедельник. – Текст : непосредственный / И. А. Бунин // Бунин, И. А. Чистый понедельник / И. А. Бунин. – Москва : Детская литература, 2005. – С. 347-360. – (Школьная библиотека).

«В доме против храма Спасителя она снимала ради вида на Москву угловую квартиру на пятом этаже, всего две комнаты, но просторные и хорошо обставленные. В первой много места занимал широкий турецкий диван, стояло дорогое пианино, на котором она всё разучивала медленное, сомнамбулически прекрасное начало «*Лунной сонаты*», – только одно начало». (С. 348)

«Чистый понедельник» (12+)

6. Гоголь Николай Васильевич

Формирование личности Николая Васильевича Гоголя во многом было обусловлено его увлечением музыкой, театром, живописью и литературой, которые он перенял от своих родителей.

В доме, где вырос будущий писатель, он с ранних лет слушал народные песни. Во время учёбы в Нежинской гимназии Н. В. Гоголь не только осваивал общеобразовательные предметы, но и занимался игрой на скрипке. Он активно участвовал в гимназическом оркестре, где исполнялись произведения Моцарта, Вебера и Россини, пел в хоре и выступал в любительских спектаклях.

Музыкальная одарённость Н. В. Гоголя способствовала созданию точных и ярких образов в его произведениях, помогая ему живо и убедительно описывать характеры героев и особенности местности.

«О, будь же нашим спасителем, музыка! Не оставляй нас! Буди чаще наши меркантильные души!..» – говорил писатель.

Гоголь, Н. В. Майская ночь, или Утопленница. Текст : непосредственный / Н. В. Гоголь // Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки : Повести, изданные пасичником Рудым Паньком / Н. В. Гоголь. – Москва : Детская литература, 2000. – С. 105-134. – (Школьная библиотека).

«Звонкая песня лилась рекою по улицам села. Было то время, когда утомлённые дневными трудами и заботами парубки и девушки шумно собирались в кружок, в блеске чистого вечера, выливать своё веселье в звуки, всегда неразлучные с уныньем. И задумавшийся вечер мечтательно обнимал синее небо, превращая всё в неопределённость и даль. Уже и сумерки; а песни всё не утихали. С бандурою в руках пробирался ускользнувший от песельников молодой козак Левко, сын сельского головы. На козаке решетиловская шапка. Козак идёт по улице, бренчит рукою по струнам и подплясывает. Вон он тихо остановился перед дверью хаты, уставленной невысокими вишнёвыми деревьями. Чья же это хата? Чья это дверь? Немного помолчавши, заиграл он и запел:

*Солнце низенько, вечір близенько,
Вийди до мене, моє серденько!» (С. 103)*

«Майская ночь, или Утопленница» (12+)

«Под окном слышался шум и топанье танцующих. Сперва тихо звукнули струны бандуры, к ним присоединился голос. Струны загремели сильнее; несколько голосов стали подтягивать, и песня зашумела вихрем:

*Хлопцы, слышали ли вы?
Наши ль головы не крепки!*

*У кривого головы
В голове расселись клёпки.
Набей, бондарь, голову
Ты стальными обручами!
Вспрысни, бондарь, голову
Батогами, батогами!
Голова наш сед и крив;
Стар, как бес, а что за дурень!
Прихотлив и похотлив:
Жмётся к девкам... Дурень, дурень!
И тебе лезть к парубкам!
Тебя б нужно в домовину,
По усам да по шеям!
За чуприну! за чуприну!*

– Славная песня, сват! – сказал винокур, наклоня немного набок голову и оборотившись к голове, остолбеневшему от удивления при виде такой дерзости. – Славная! Скверно только, что голову поминают не совсем благопристойными словами...» (С. 119-120)

«Майская ночь, или Утопленница» (12+)

«Какую-то сладкую тишину и раздолье ощутил Левко в своём сердце. Настроив бандуру, заиграл он и запел:

*Ой ти, місяцю, мій місяченьку!
І ти, зоре ясна?
Ой світіть там по подвір'ї,
Де дівчина красна.*

Окно тихо отворилось, и та же самая головка, которой отражение видел он в пруде, выглянула, внимательно прислушиваясь к песне. Длинные ресницы её были полуопущены на глаза. Вся она была бледна, как полотно, как блеск месяца; но как чудна, как прекрасна! Она засмеялась... Левко вздрогнул.

- Спой мне, молодой козак, какую-нибудь песню! – тихо молвила она, наклонив свою голову набок и опустив совсем густые ресницы.

- Какую же тебе песню спеть, моя ясная панночка?» (С. 127)

«Майская ночь, или Утопленница» (12+)

Гоголь, Н. В. Ночь перед Рождеством. – Текст : непосредственный / Н. В. Гоголь // Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки : Повести, изданные пасичником Рудым Паньком / Н. В. Гоголь. – Москва : Детская литература, 2000. – С. 154-202. – (Школьная библиотека).

«Тут, кажется, я положил струмент свой. – Сказав это, он вышел вон из хаты, насвистывая песню:

Мені с жінкой не возиться.

Шумнее и шумнее раздавались по улицам песни и крики. Толпы толкавшегося народа были увеличены ещё пришедшими из соседних деревень. Парубки шалили и бесились вволю. Часто между колядками слышалась какая-нибудь весёлая песня, которую тут же успел сложить кто-нибудь из молодых козаков. То вдруг один из толпы вместо колядки отпускал щедровку и ревел во всё горло:

*Щедрик, ведрик!
Дайте вареник,
Грудочку кашики,
Кільце ковбаски!*

Хохот награждал затейника. Маленькие окна подымались, и сухощава рука старухи, которые одни только вместе с степенными отцами оставались в избах, высовывалась из окошка с колбасою в руках или куском пирога. Парубки и девушки наперерыв подставляли мешки и ловили свою добычу». (С.174-175)

«Ночь перед Рождеством» (12+)

Гоголь, Н. В. Сорочинская ярмарка. Текст : непосредственный / Н. В. Гоголь // Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки : Повести, изданные пасичником Рудым Паньком / Н. В. Гоголь. – Москва : Детская литература, 2000. – С. 56-86. – (Школьная библиотека).

*«Не хилися, явороньку,
Ще ти зелененький;
Не журися, козаченьку,
Ще ти молоденький!» (С. 67)*

«Сорочинская ярмарка» (12+)

*«Не бійся, матінко, не бійся,
В червоні чобітки обуйся.
Топчи вороги
Під ноги;
Щоб твої підківки
Бряжчали!
Щоб твої вороги
Мовчали!» (С. 82)*

«Сорочинская ярмарка» (12+)

«Что я, в самом деле, будто дитя, – вскричала она, смеясь, – боюсь ступить ногою». И начала притопывать ногами, всё, чем далее, смелее; наконец левая рука её опустилась и упёрлась в бок, и она пошла танцевать, побрякивая подковами, держа перед собою зеркало и напевая любимую свою песню:

Зелёнененький барвіночку,

*Стелися низенько!
А ти, милий, чорнобривий,
Присунься близенько!
Зелёненький барвіночку,
Стелися ще нижче!
А ти, милий, чорнобривий,
Присунься ще ближче!» (С.83)*

«Сорочинская ярмарка» (12+)

«Странное, неизъяснимое чувство овладело бы зрителем при виде, как от одного удара смычком музыканта, в сермяжной свитке, с длинными закрученными усами, всё обратилось, волею и неволею, к единству и перешло в согласие. Люди, на угрюмых лицах которых, кажется, век не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами. Всё несло. Всё танцевало. Но ещё страннее, ещё неразгаданнее чувство пробудилось бы в глубине души при взгляде на старушек, на ветхих лицах которых веяло равнодушием могилы, толкавшихся между новым, смеющимся, живым человеком. Беспечные! даже без детской радости, без искры сочувствия, которых один хмель только, как механик своего безжизненного автомата, заставляет делать что-то подобное человеческому, они тихо покачивали охмелевшими головами, подплясывая за веселящимся народом, не обращая даже глаз на молодую чету.

Гром, хохот, песни слышались тише и тише. Смычок умирал, слабея и теряя неясные звуки в пустоте воздуха. Ещё слышалось где-то топанье, что-то похожее на ропот отдалённого моря, и скоро всё стало пусто и глухо».
(С. 85)

«Сорочинская ярмарка» (12+)

Гоголь, Н. В. Страшная месть. – Текст : непосредственный / Н. В. Гоголь // Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки : Повести, изданные пасичником Рудым Паньком / Н. В. Гоголь. – Москва : Детская литература, 2000. – С. 202-246. – (Школьная библиотека).

«- Что, Иван, ты не боишься колдунов? «Нет, говори, тятя, я козак». Полно же, перестань плакать! домой приедем! Приедем домой – мать накормит кашей, положит тебя спать в люльку, запоёт:

*Люди, люли, люли!
Люли, сынку, люли!
Да вырастай, вырастай в забаву!
Козачеству на славу,
Вороженькам в расправу!» (С. 208)*

«Страшная месть» (12+)

«Слушайте, слушайте!» И вместо слов начала она петь песню:

*Біжить возок кривавенький;
У тім возку козак лежить,
Постріляний, порубаний.
В правій ручці дротик держить,
З того дроту ківця біжить;
Біжить ріка кривавая.
Над річкою явор стоїть,
Над явором ворон криче.
За козаком мати плаче.
Не плачь, мати, не журися!
Бо вже твій сын оженився,
Та взяв лінку паняночку,
В чистом полі земляночку,
Ї без дверець, без оконць.
Та вже пісні вийшов конць.
Танцювала рыба з раком...
А хто мене не полюбить, тряця его мать!
Так перемешивались у ней все песни». (С. 235)*

«Страшная месть» (12+)

«В городе Глухове собрался народ около старца бандуриста и уже с час слушал, как слепец играл на бандуре. Ещё таких чудных песен и так хорошо не пел ни один бандурист. Сперва повёл он про прежнюю гетьманщину, за Сагайдачного и Хмельницкого. Тогда иное было время: козачество было в славе; топтало конями неприятелей, и никто не смел посмеяться над ним. Пел и весёлые песни старец и повоживал своими очами на народ, как будто зрящий; а пальцы, с приделанными к ним костями, летали как муха по струнам, и казалось, струны сами играли; а кругом народ, старые люди, понутив головы, а молодые, подняв очи на старца, не смели и шептать между собою.

- Пойдите, – сказал старец, – я вам запою про одно давнее дело.

Народ сдвинулся еще теснее, и слепец запел:

«За пана Степана, князя Седмиградского, был князь Седмиградский королем и у ляхов, жило два козака: Иван да Петро. Жили они так, как брат с братом. «Гляди, Иван, всё, что ни добудешь, – всё пополам: когда кому веселье – веселье и другому; когда кому горе – горе и обоим; когда кому добыча – пополам добычу; когда кто в полон попадёт – другой продай всё и дай выкуп, а не то сам ступай в полон». И правда, всё, что ни доставали козаки, всё делили пополам; угоняли ли чужой скот или коней, всё делили пополам». (С. 241-242)

«Страшная месть» (12+)

7. Гончаров Иван Александрович

Иван Александрович Гончаров, выдающийся русский писатель, проявлял большой интерес к музыке в своих произведениях.

Писатель был одним из первых, кто использовал музыкальные образы в литературе. Он включал в свои тексты популярные народные песни, романсы, арии и увертюры.

И. А. Гончаров часто использовал музыкальные предпочтения персонажей для раскрытия их личности:

Марфинька из романа «Обрыв» исполняла романс Александра Варламова и арию Розины из «Севильского цирюльника».

Андрей Штольц из «Обломова» любил виртуозные произведения Анри Герца, а Илья Обломов, подобно автору, предпочитал вокальную музыку.

Ольга Ильинская восхищалась камерной музыкой Франца Шуберта.

Лейтмотивом в романе «Обломов» стала каватина Нормы из оперы Беллини «Норма». Эта ария стала символом героя и его образа жизни. Исполнила это музыкальное произведение Ольга Ильинская, своей игрой произведя на Обломова сильное впечатление.

Гончаров, И. А. Обломов / И. А. Гончаров. – Москва : Издательство Эксмо, 2003. – 640 с. – (Русская классика). – Текст : непосредственный.

«- Боже ты мой! Вот скука-то должна быть адская!

- Как это можно? Скука! Да чем больше, тем веселей. Лидия бывала там, я её не замечал, да вдруг...

Напрасно я забыть её стараюсь

И страсть хочу рассудком победить... –

запел он и сел, забывшись, на кресло, но вдруг вскочил и стал отирать пыль с платья». (С. 42)

«Обломов» (12+)

«Между тем наступил вечер. Засветили лампу, которая, как луна, сквозила в трельяже с плющом. Сумрак скрыл очертания лица и фигуры Ольги и набросил на неё как будто флёрное покрывало; лицо было в тени: слышался только мягкий, но сильный голос, с нервной дрожью чувства.

Она пела много арий и романсов, по указанию Штольца; в одних выражалось страдание с неясным предчувствием счастья, в других – радость, но в звуках этих таился уже зародыш грусти.

От слов, от звуков, от этого чистого, сильного девического голоса билось сердце, дрожали нервы, глаза искрились и заплывали слезами. В один и тот же момент хотелось умереть, не пробуждаться от звуков, и сейчас же опять сердце жаждало жизни...

Обломов вспыхивал, изнемогал, с трудом сдерживал слезы, и ещё труднее было душить ему радостный, готовый вырваться из души крик. Давно не чувствовал он такой бодрости, такой силы, которая, казалось, вся поднялась со дна души, готовая на подвиг.

Он в эту минуту уехал бы даже за границу, если б ему оставалось только сесть и поехать.

В заключение она запела *Casta diva*: все восторги, молнией несущиеся мысли в голове, трепет, как иглы, пробегающий по телу, – все это уничтожило Обломова: он изнемог». (С.247-248)

«Обломов» (12+)

Гончаров, И. А. Обрыв : роман / И. А. Гончаров. – Москва : Издательство «Правда», 1984. – 736 с. – Текст : непосредственный.

«- Ты поёшь, Марфенька? – спросил он.

- Да... немножко, – застенчиво отвечала она.

- Что же?

- Русские романсы; начала итальянскую музыку, да учитель уехал. Я пою: «*Una voce poco fa*», только трудно очень для меня. А вы поёте?

- Диким голосом, но зато беспрестанно.

- Что же?

- Всё. – И он запел из «Ломбардов», потом марш из «Семирамиды» и вдруг замолк». (С. 166)

«Обрыв» (12+)

«Через час после его отъезда она по-прежнему уже пела: *Ненаглядный ты мой, как люблю я тебя!*» (С.471)

«Обрыв» (12+)

8. Горький Максим

Музыка всегда была неотъемлемой частью жизни Максима Горького, начиная с его детства. Любовь к фольклору зародилась у него благодаря песням бабушки Акулины Ивановны Кашириной.

В доме писателя часто устраивались домашние концерты, среди гостей которых бывал знаменитый певец Фёдор Шаляпин. Писатель был большим любителем музыки и особенно ценил произведения композитора Эдварда Грига. Фёдор Шаляпин вспоминал, как М. Горький говорил: «Когда слушаешь Грига, перед глазами встают волшебные картины северной природы: туманное утро, солнечные луга, фьорды, скалы, мирные пастбища и тихие ручьи».

Горький, М. Дачники. – Текст : непосредственный / М. Горький // Горький, М. На дне. Дачники : Пьесы / М. Горький. – Москва : Детская литература, 2005. – С. 105-216. – (Школьная библиотека).

«Юлия Филипповна (тихо поёт).

Уже утомившийся день.

Склонился в багряные воды...

(Когда Варвара Михайловна начинает говорить, Юлия Филипповна перестает петь и пристально смотрит ей в лицо.)

Варвара Михайловна. Жизнь – точно какой-то базар. Все хотят обмануть друг друга: дать меньше, взять больше. Юлия Филипповна.

Темнеют лазурные своды,

Прозрачная стелется тень». (С. 160)

«Дачники» (12+)

«Варвара Михайловна. Почему-то мне вспомнилась одна грустная песенка... Её, бывало, пели прачки в заведении моей матери... Я тогда была маленькая, училась в гимназии. Помню, придёшь домой, прачешная полна серого, удушливого пара... в нём качаются полуодетые женщины и негромко, устало поют:

Ты, родная моя матушка,

Пожалей меня, несчастную,

- Тяжело мне у чужих людей,

В злой неволе сердце высохло.

И я плакала, слушая эту песню...» (С. 161)

«Дачники» (12+)

«Замыслов. Исчезаю, роскошь моя!..

(Уходит в лес. Юлия Филипповна смотрит вслед ему, оглядывает поляну, свободно и глубоко вздыхает. Идёт к сену, негромко напевая:)

Томимую душу тоской,

Как мать дитя, успокой.

Видит мужа. Останавливается, вздрагивает, несколько секунд стоит неподвижно и смотрит. Хочет идти прочь, но повёртывается и с улыбкой садится рядом с мужем. Щекочет лицо ему стеблем травы. Суслов мычит». (С. 171-172)

«Дачники» (12+)

9. Достоевский Фёдор Михайлович

Фёдор Михайлович Достоевский придавал музыке огромное значение. Она играла важную роль в его жизни и творчестве, помогая выражать чувства и переживания.

В детстве Ф. М. Достоевского сопровождали народные напевы, которые пела ему няня.

Писатель любил разнообразные музыкальные жанры, включая классику (оперу, камерную музыку), народные песни, русские романсы, музыку салонов и уличных исполнителей.

Музыкальные мотивы и впечатления нашли отражение в литературных трудах Достоевского. Например: в «Записках из Мёртвого дома» писатель описал, как арестантский оркестр исполнял фрагмент фантазии на «Камаринскую»; в «Преступлении и наказании» умирающая Катерина Мармеладова пытается вспомнить слова и мелодию своих любимых романсов. В романе также звучит музыка, усиливающая атмосферу произведения.

Таким образом, музыка была не просто увлечением для Достоевского, но и источником вдохновения. Её влияние прослеживается в его произведениях, делая их более глубокими и эмоционально насыщенными.

Достоевский, Ф. М. Белые ночи : Сентиментальный роман (Из воспоминаний мечтателя) / Ф. М. Достоевский. – Москва : Детская литература, 2002. – 95 с. – (Школьная библиотека), – Текст : непосредственный.

«Только после обеда и приходит он к нам; сел, долго говорил с бабушкой, расспрашивал, что она выезжает ли куда-нибудь, есть ли знакомые – да вдруг и говорит: «А сегодня я было ложу взял в оперу; «Севильского цирюльника» дают; знакомые ехать хотели, да потом отказались, у меня и остался билет на руках».

– «Севильского цирюльника»! – закричала бабушка, – да это тот самый цирюльник, которого в старину давали?

– Да, – говорит, – это тот самый цирюльник, – да и взглянул на меня. А я уж всё поняла, покраснела, и у меня сердце от ожидания запрыгало!

– Да как же, – говорит бабушка, – как не знать! Я сама в старину на домашнем театре Розину играла!

– Так не хотите ли ехать сегодня? – сказал жилец. – У меня билет пропадает же даром.

– Да, пожалуй, поедem, – говорит бабушка, – отчего ж не поехать? А вот у меня Настенька в театре никогда не была.

Боже мой, какая радость! Тотчас же мы собрались, снарядились и поехали. Бабушка хоть и слепа, а всё-таки ей хотелось музыку слушать, да, кроме того, она старушка добрая: больше меня потешить хотела, сами-то мы никогда бы не собрались. Уж какое было впечатление от «Севильского цирюльника», я вам не скажу, только во весь этот вечер жилец наш так хорошо смотрел на меня, так хорошо говорил, что я тотчас увидела, что он меня хотел испытать поутру, предложив, чтоб я одна с ним поехала. Ну,

радость какая! Спать я легла такая гордая, такая весёлая, так сердце билось, что сделалась маленькая лихорадка, и я всю ночь бредила о «Севильском цирюльнике». (С. 62-63)

«Белые ночи» (12+)

Достоевский, Ф. М. Дядюшкин сон. – Текст : непосредственный / Ф. М. Достоевский // Достоевский, Ф. М. Дядюшкин сон; Село Степанчиково и его обитатели; Скверный анекдот; Зимние заметки о летних впечатлениях / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Лениздат, 1982. – С. 3-127.

« - Что же мне петь, маменька? – спросила Зина.

- Ах, Зина! спой тот романс, в котором, помнишь, много рыцарского, где ещё эта владетельница замка и её трубадур... Ах, князь! Как я люблю всё это рыцарское! Эти замки, замки!.. Эта средневековая жизнь! Эти трубадуры, герольды, турниры... Я буду аккомпанировать тебе, Зина. Пересядьте сюда, князь, поближе! Ах, эти замки, замки!

- Ну да... замки. Я тоже люблю зам-ки, – бормочет князь в восторге, впиваясь в Зину единственным своим глазом. – Но... боже мой! – восклицает он, – это романс!.. Но... я знаю этот ро-манс! Я давно уже слышал этот романс... Это так мне на-по-ми-нает... Ах, боже мой!

Я не берусь описывать, что сделалось с князем, когда запела Зина. Пела она старинный французский романс, бывший когда-то в большой моде. Зина пела его прекрасно. Её чистый, звучный контральто проникал до сердца. Её прекрасное лицо, чудные глаза, её точёные, дивные пальчики, которыми она переворачивала ноты, её волосы, густые, чёрные, блестящие, волнующаяся грудь, вся фигура её, гордая, прекрасная, благородная, – всё это околдовало бедного старичка окончательно. Он не отрывал от неё глаз, когда она пела, он захлёбывался от волнения. Его старческое сердце, подогретое шампанским, музыкой и воскреснувшими воспоминаниями (а у кого нет любимых воспоминаний?), стучало чаще и чаще, как уже давно не билось оно... Он готов был опуститься на колени перед Зиной и почти плакал, когда она кончила.

- O ma charmante enfant! – вскричал он, целуя её пальчики. – Vous me ravissez! Я теперь, теперь только вспомнил... Но... но... о ma charmante enfant...

И князь даже не мог докончить». (С. 59-60)

«Дядюшкин сон» (12+)

10. Ильф Илья, Петров Евгений

Музыка играет важную роль в творчестве Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Она не только отражает музыкальные реалии того времени, но и

помогает создать образы персонажей, а также становится неотъемлемой частью экранизаций их произведений.

В своих совместных работах и связанных с ними проектах Ильф и Петров мастерски используют музыкальные образы, намёки и отсылки, чтобы передать атмосферу музыкального быта России начала XX века и усилить эмоциональное воздействие на читателя. Например, в романе «Двенадцать стульев» авторы применяют музыкальные элементы, которые помогают раскрыть характеры персонажей и создать уникальное настроение, характерное для того времени.

Ильф, И. А. Двенадцать стульев / И. А. Ильф, Е. П. Петров. – Москва : НФ «Пушкинская библиотека» ; Вагриус, 2004. – 382 с. – (Внеклассное чтение). – Текст : непосредственный.

«В первой же комнате, светлой и просторной, сидели в кружок десятка полтора седеньких старушек в платьях из найдешевейшего туалъденора мышинового цвета. Напряжённо вытянув шеи и глядя на стоявшего в центре цветущего мужчину, старухи пели:

*Слышен звон бубенцов издалёка.
Это тройки знакомый разбег...
А вдали простирался широ-о-ко
Белым саваном искристый снег!..*

Предводитель хора, в серой толстовке из того же туалъденора и в туалъденоровых брюках, отбивал такт обеими руками и, вертясь, покрикивал:
– Дисканты, тише! Кокушкина, слабее!

Он увидел Остапа, но, не в силах удержать движения своих рук, только недоброжелательно посмотрел на вошедшего и продолжал дирижировать. Хор с усилием загремел, как сквозь подушку: Та-та-та, та-та-та, та-та-та, То-ро-ром, ту-ру-рум, ту-ру-рум..» (С. 55)

«Двенадцать стульев» (12+)

«Девушки пели. В толпе служащих собеса шёл Альхен с большим красным бантом на груди и задумчиво гнусил:

*Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильнее!..* (С. 111)

«Двенадцать стульев» (12+)

«Бросив Остапа и студента Иванопуло в трактире, Ипполит Матвеевич пробрался в розовый домик и занял позицию у несгораемой кассы. Он слышал шум отходящих в Кастилию поездов и плеск отплывающих пароходов.

*Гаснут дальней Альпухары
Золотистые края.*

*Сердце шаталось, как маятник. В ушах тикало.
На призывный звон гитары
Выйди, милая моя.*

Тревога носилась по коридору. Ничто не могло растопить холод нестораемого шкафа.

*От Севильи до Гренады
В тихом сумраке ночей...
В пенах стонали граммофоны. Раздавался пчелиный гул примусов.
Раздаются серенады,
Раздаётся звон мечей...*

Словом, Ипполит Матвеевич был влюблен до крайности в Лизу Калачову». (С. 184-185)

«Двенадцать стульев» (12+)

11. Короленко Владимир Галактионович

Музыка играет центральную роль в произведениях Владимира Галактионовича Короленко, особенно в повести «Слепой музыкант» (1886). Это произведение стало одним из самых популярных в его наследии и ярко демонстрирует гуманистические взгляды автора на сострадание, мужество и смысл жизни.

Музыка в повести выполняет несколько важных функций:

Инструмент общения и самовыражения. Через музыку Петрусь может взаимодействовать с миром, передавать свои чувства и понимать окружающих.

Средство духовного развития. Музыка помогает герою преодолеть эгоизм и страдания, обрести сострадание и любовь.

Связь между личностью и обществом. Искусство способно изменять общество, пробуждать лучшие качества в людях, делая их более чуткими и добрыми.

Короленко, В. Г. Слепой музыкант. – Текст : непосредственный / В. Г. Короленко // Короленко, В. Г. Рассказы и повести / В. Г. Короленко. – Москва : «Издательство «Олимп», «Издательство Астрель», «Издательство АСТ», 2000. – 256 с. – (Школьная хрестоматия).

«Не успела она сделать своего обхода, как загадка разъяснилась. Она услышала вдруг тихие, переливчатые тоны свирели, которые неслись из конюшни, смешиваясь с шорохом южного вечера. Она сразу поняла, что именно эти нехитрые переливы простой мелодии, совпадавшие с фантастическим часом дремоты, так приятно настраивали воспоминания мальчика.

Она сама остановилась, постояла с минуту, прислушиваясь к задушевным напевам малорусской песни, и, совершенно успокоенная, ушла в тёмную аллею сада к дяде Максиму.

«Хорошо играет Иохим, – подумала она. – Странно, сколько тонкого чувства в этом грубоватом на вид «хлопе». (С. 99)

«Слепой музыкант» (12+)

«А Иохим действительно играл хорошо. Ему нипочем была даже и хитрая скрипка, и было время, когда в корчме, по воскресеньям, никто лучше не мог сыграть «казака» или весёлого польского «краковяка». Когда, бывало, он, усевшись в углу, крепко притиснув скрипку бритым подбородком и ухарски заломив высокую смушковую шапку на затылок, ударял кривым смычком по упругим струнам, тогда редко кто в корчме мог усидеть на месте. Даже старый одноглазый еврей, аккомпанировавший Иохиму на контрабасе, одушевлялся до последней степени. Его неуклюжий «струмент», казалось, надрывается от усилий, чтобы поспеть своими тяжёлыми басовыми нотами за лёгкими, певучими и прыгающими тонами Иохимовой скрипки, а сам старый Янкель, высоко поддёргивая плечами, вертел лысой головой в ермолке и весь подпрыгивал в такт шаловливой и бойкой мелодии. Что же говорить о крещёном народе, у которого ноги устроены исстари таким образом, что при первых звуках весёлого плясового напева сами начинают подгибаться и притопывать». (С. 100)

«Слепой музыкант» (12+)

«Она играла пьесу, которую в пансионе пани Радецкой и под руководством девицы Клапс изучила в совершенстве. Это было что-то особенно шумное, но довольно хитрое, требовавшее значительной гибкости пальцев; на публичном экзамене Анна Михайловна стяжала этой пьесой обильные похвалы и себе, и особенно своей учительнице. Никто не мог сказать этого, наверное, но многие догадывались, что молчаливый пан Попельский пленился панной Яценко именно в ту короткую четверть часа, когда она исполняла трудную пьесу. Теперь молодая женщина играла её с сознательным расчётом на другую победу: она желала сильнее привлечь к себе маленькое сердце своего сына, увлечённого хохлацкой дудкой». (С. 106)

«Слепой музыкант» (12+)

«Ой, там на горі тай женці жнуть».

Всякому, кто слышал эту прекрасную народную песню в надлежащем исполнении, наверное, врезался в памяти её старинный мотив, высокий, протяжный, будто подёрнутый грустью исторического воспоминания. В ней нет событий, кровавых сеч и подвигов. Это и не прощание казака с милой, не удалой набег, не экспедиция в чайках по синему морю и Дунаю. Это только одна мимолетная картина, всплывшая мгновенно в воспоминании украинца как смутная грёза, как отрывок из сна об историческом прошлом. Среди

будничного и серого настоящего дня в его воображении встала вдруг эта картина, смутная, туманная, подёрнутая тою особенною грустью, которая веет от исчезнувшей уже родной старины. Исчезнувшей, но ещё не бесследно! О ней говорят ещё высокие могилы-курганы, где лежат казацкие кости, где в полночь загораются огни, откуда слышатся по ночам тяжёлые стоны. О ней говорят и народное предание, и смолкающая всё более и более народная песня:

*Ой, там на горі тай женці жнуть,
А по-під горою, по-під зелёною
Козаки ідуть!..
Козаки ідуть!..*

На зелёной горе жнецы жнут хлеб. А под горой, внизу, идёт казачье войско.

Максим Яценко заслушался грустного напева. В его воображении, вызванная чудесным мотивом, удивительно сливающимся с содержанием песни, всплыла эта картина, будто освещённая меланхолическим отблеском заката. В мирных полях, на горе, беззвучно наклоняясь над нивами, виднеются фигуры жнецов. А внизу бесшумно проходят отряды один за другим, сливаясь с вечерними тенями долины.

*По переду Дорошенко
Веде свое військо, військо запорожське,
Хорошенько.*

И протяжная нота песни о прошлом колышется, звенит и смолкает в воздухе, чтобы зазвенеть опять и вызвать из сумрака всё новые и новые фигуры». (С. 114-115)

«Слепой музыкант» (12+)

«Она поняла его резкое движение и его молчание и на минуту опустила голову. От усадьбы слышалась песня:

*З-за крутої горы
Виліталы орлы,
Виліталы, гуркоталы,
Роскоши шукалы...*

Смягчённый расстоянием, молодой, сильный голос пел о любви, о счастье, о просторе, и эти звуки неслись в тишине ночи, покрывая ленивый шёпот сада...» (С. 151)

«Слепой музыкант» (12+)

«И теперь, когда он играл какую-то итальянскую пьесу, с трепещущим сердцем и переполненной душой, в его игре с первых же аккордов сказалось что-то до такой степени своеобразное, что на лицах посторонних слушателей появилось удивление. Однако через несколько минут очарование овладело всеми безраздельно, и только старший из сыновей Ставрученка, музыкант по

профессии, долго ещё вслушивался в игру, стараясь уловить знакомую пьесу и анализируя своеобразную манеру пианиста.

Струны звенели и рокотали, наполняя гостиную и разносясь по смолкшему саду... Глаза молодёжи сверкали оживлением и любопытством. Ставрченко-отец сидел, свесив голову, и молчаливо слушал, но потом стал воодушевляться всё больше и больше, подталкивал Максима локтем и шептал:

- Вот этот играет, так уж играет. Что? Не правду я говорю?

По мере того как звуки росли, старый спорщик стал вспоминать что-то, должно быть, свою молодость, потому что глаза его заискрились, лицо покраснело, весь он выпрямился и, приподняв руку, хотел даже ударить кулаком по столу, но удержался и опустил кулак без всякого звука. Оглядев своих молодцов быстрым взглядом, он погладил усы и, наклонившись к Максиму, прошептал:

- Хотят стариков в архив... Брешут!.. В своё время и мы с тобой, братику, тоже... Да и теперь ещё... Правду я говорю или нет?

Максим, довольно равнодушный к музыке, на этот раз чувствовал что-то новое в игре своего питомца и, окружив себя клубами дыма, слушал, качал головой и переводил глаза с Петра на Эвелину. Ещё раз какой-то порыв непосредственной жизненной силы врывался в его систему совсем не так, как он думал... Анна Михайловна тоже кидала на девушку вопросительные взгляды, спрашивая себя: что это, – счастье или горе звучит в игре её сына... Эвелина сидела в тени от абажура, и только её глаза, большие и потемневшие, выделялись в полумраке. Она одна понимала эти звуки по-своему: ей слышался в них звон воды в старых шлюзах и шёпот черёмухи в потемневшей аллее». (С. 158-159)

«Слепой музыкант» (12+)

«Мотив давно уже изменился. Оставив итальянскую пьесу, Пётр отдался своему воображению. Тут было всё, что теснилось в его воспоминании, когда он за минуту перед тем, молча и опустив голову, прислушивался к впечатлениям из пережитого прошлого. Тут были голоса природы, шум ветра, шёпот леса, плеск реки и смутный говор, смолкающий в безвестной дали. Всё это сплеталось и звенело на фоне того особенного глубокого и расширяющего сердце ощущения, которое вызывается в душе таинственным говором природы и которому так трудно подыскать настоящее определение... Тоска?.. Но отчего же она так приятна?.. Радость?.. Но зачем же она так глубоко, так бесконечно грустна?

По временам звуки усиливались, вырастали, крепились. Лицо музыканта делалось странно суровым. Он как будто сам удивлялся новой и для него силе этих неожиданных мелодий и ждал ещё чего-то... Казалось, вот-вот несколькими ударами всё это сольётся в стройный поток могучей и прекрасной гармонии, и в такие минуты слушатели замирали от ожидания. Но, не успев подняться, мелодия вдруг падала с каким-то жалобным

ропотом, точно волна, рассыпавшаяся в пену и брызги, и ещё долго звучали, замирая, ноты горького недоумения и вопроса» (С. 159)

«Слепой музыкант» (12+)

«Он ударил своею умелою рукой по клавишам, подражая праздничному колокольному трезвону. Иллюзия была полная. Аккорд из нескольких невысоких тонов составлял как бы фон поглубже, а на нём выделялись, прыгая и колеблясь, высшие ноты, более подвижные и яркие. В общем, это был именно тот высокий и возбуждённо-радостный гул, который заполняет собою праздничный воздух.

- Да, – сказал Максим, – это очень похоже, и мы, с открытыми глазами, не сумели бы усвоить это лучше тебя. Вот видишь ли... когда я смотрю на большую красную поверхность, она производит на мой глаз такое же беспокойное впечатление чего-то упруго-волнующегося. Кажется, будто эта краснота меняется: оставляя под собой более глубокий, тёмный фон, она кое-где выделяется более светлыми, быстро всплывающими и так же быстро упдающими взмахами, волнами, которые очень сильно действуют на глаз, – по крайней мере, на мой глаз.

- Это верно, верно! – живо сказала Эвелина. – Я чувствую то же самое и не могу долго смотреть на красную суконную скатерть.

- Так же, как иные не выносят праздничного трезвона. Пожалуй, что моё сравнение и верно, и мне даже приходит в голову дальнейшее сопоставление: существует также «малиновый» звон, как и малиновый цвет. Оба они очень близки к красному, но только глубже, ровнее и мягче. Когда колокольчик долго был в употреблении, то он, как говорят любители, вызванивается. В его звуке исчезают неровности, режущие ухо, и тогда-то звон этот зовут малиновым. Того же эффекта достигают умелым подбором нескольких подголосков.

Под руками Петра пианино зазвенело взмахами почтовых колокольчиков.

- Нет, – сказал Максим. – Я бы сказал, что это слишком красно...

- А, помню!

И инструмент зазвенел ровнее. Начавшись высоко, оживлённо и ярко, звуки становились всё глубже и мягче. Так звонит набор колоколов под дугой русской тройки, удаляющейся по пыльной дороге в вечернюю неизвестную даль, тихо, ровно, без громких взмахов, всё тише и тише, пока последние ноты не замрут в молчании спокойных полей.

- Вот-вот! – сказал Максим. – Ты понял разницу. Когда-то, – ты был ещё ребёнком, – мать пыталась объяснить тебе звуками краски.

- Да, я помню... Зачем ты запретил нам тогда продолжать? Может быть, мне удалось бы понять». (С. 186-187)

«Слепой музыкант» (12+)

«Южно-русская публика вообще любит и ценит свои родные мелодии, но здесь даже разношёрстная «контрактовая» толпа была сразу захвачена глубокой искренностью выражения. Живое чувство родной природы, чуткая оригинальная связь с непосредственными источниками народной мелодии сказывались в импровизации, которая лилась из-под рук слепого музыканта. Богатая красками, гибкая и певучая, она бежала звонкою струёю, то поднимаясь торжественным гимном, то разливаясь задушевым грустным напевом. Казалось по временам: то буря гулко гремит в небесах, раскатываясь в бесконечном просторе, то лишь степной ветер звенит в траве, на кургане, навевая смутные грёзы о минувшем.

Когда он смолк, гром рукоплесканий охваченной восторгом толпы наполнил громадную залу. Слепой сидел с опущенною головой, удивленно прислушиваясь к этому грохоту. Но вот он опять поднял руки и ударил по клавишам. Многолюдная зала мгновенно притихла». (С. 205-206)

«Слепой музыкант» (12+)

12. Куприн Александр Иванович

Музыка занимает важное место в произведениях Александра Ивановича Куприна, выполняя разнообразные функции. Она помогает раскрыть авторскую задумку, влияет на развитие сюжета, характеристики персонажей, атмосферу и структуру повествования.

Герои Куприна часто обращаются к музыке в моменты сильных эмоций.

Музыка в произведениях писателя задаёт тон и направление развития событий, выступает как «увертюра» к основной сюжетной линии.

Писатель мастерски использует словесное описание музыкальных произведений, чтобы передать внутренние переживания героев и раскрыть глубинный смысл своих творений.

Исследователи подчёркивают, что Александр Иванович Куприн обладал исключительной чувствительностью к музыке, и её использование в его текстах позволяет глубже проникнуть в внутренний мир персонажей и понять авторский замысел.

Куприн, А. Гранатовый браслет. – Текст : непосредственный / А. Куприн // Куприн, А. Гранатовый браслет : Повести. / А. Куприн – Москва : Эксмо, 2019. – 432 с. – (Всемирная литература).

«Если Вы обо мне вспомните, то... я знаю, что Вы очень музыкальны, я Вас видел чаще всего на бетховенских квартетах, – так вот, если Вы обо мне вспомните, то сыграйте или прикажите сыграть *сонату D-dur № 2, op. 2.*» (С. 423)

«Гранатовый браслет» (12+)

«Она узнала с первых аккордов это исключительное, единственное по глубине произведение. И душа её как будто бы раздвоилась. Она единовременно думала о том, что мимо неё прошла большая любовь, которая повторяется только один раз в тысячу лет. Вспомнила слова генерала Аносова и спросила себя: почему этот человек заставил её слушать именно это бетховенское произведение, и ещё против её желания? И в уме её слагались слова. Они так совпадали в её мысли с музыкой, что это были как будто бы куплеты, которые кончались словами: «Да святится имя Твоё». (С. 427)

«Гранатовый браслет» (12+)

13. Лесков Николай Семёнович

По словам сына писателя, Андрея Лескова, в их семье музыка не пользовалась особым уважением. Когда Николая Семёновича Лескова спрашивали о любви к музыке, Лесков отвечал: «Нет... не люблю: под музыку много думается... а думы у меня все тяжёлые...».

Однако, несмотря на это, музыка стала ключевым элементом его творчества и неотъемлемой частью его писательского стиля.

Лесков часто включал в свои произведения фольклорные музыкальные элементы и жанры, такие как прибаутки, частушки, календарные и обрядовые песни.

Лесков, Н. Житие одной бабы. – Текст : непосредственный / Н. Леской // Лесков, Н. Леди Макбет Мценского уезда : Повести и рассказы. – Москва : Эксмо, 2007. – С. 58-163 с. – (Русская классика).

«Поёт песельник песни и весёлые, разудалые, поёт и грустные, надрывающие душу. То хвалится в своей песне алой лентой и так радостно поёт;

То-то лента! то-то лента!

То-то алая моя!

Ала! ала! ала!

Мне голубушка дала.

Словно в самом деле голубушка только что выплела из косы алую ленту да дала ему: «Носи, мол, дружок, люби меня, да мною радуйся».

А в другой раз издали Настя слышит, как поёт он:

Уж ты ль, молодость,

Моя молодость!

Красота ль моя

Молодецкая!

Ты куда прошла,

*Миновалася?
Не видал тебя,
Моя молодость,
За лютой змеей
Подколодною,
За своей женой,
За негодною.*

И поёт он эту песню как будто не оттого, что ему петь хочется, а оттого, что в самом деле лютая змея подколодная заела его и красу, и молодость, и нет ему силы на неё не плакаться.

Никак Настя не могла разобрать: не то этому человеку уж очень тяжело на свете, не то весело, и поёт он грустные песни с того только, что петь ловок и любит песни». (С. 120)

«Житие одной бабы» (12+)

«Настя давно не пела и сама уж отвыкла от своего голоса, но деться было некуда, нужно было петь. Она тоже откашлянулась и взяла выше последней ноты Степана.

- Важно! Вот так песельница! Вот так пара! – кричали ребята.

Степан был рад, что есть ему с кем показать свою артистическую удасть, и ещё смелее запел:

*Напой мово коня
Среди синя моря,
Чтобы ворон конь напился,
Бран ковер не замочился
И не мокор был, – сухой.*

Высокою, замирающею трелью он вывел последние слова. А Настя с этой ноты свободно продолжала:

*Сострой, милый, терем
Из маковых зёрен,
Были б двери, каравати,
Можно б там приятно спати
С тобой, милый мой!*

- Важно! На отличку! Спасибо, спасибо, молодайка! – кричали ребята. А Настя вся покраснелась и ушла в толпу. Она никогда не думала о словах этой народной оперетки, а теперь, пропевши их Степану, она ими была недовольна. Ну да ведь довольна не довольна, а из песни слова не выкинешь». (С. 126-127)

«Житие одной бабы» (12+)

«Настя вспомнила, как хорошо пел Крылушкин, как он хвалил простые песни и хотел приехать, чтоб она ему песню спела. «У Степана славные песни», – оказала она и, летая от думы к думе, незаметно как завела:

Ах ты, горе великое,

*Тоска-печаль несносная!
Куда бежать, тоску девать?
В леса бежать – листья шумят,
Листья шумят, часты кусты,
Часты кусты ракитовы.
Пойду с горя в чисто поле,
В чистом поле трава растёт,
Цветы цветут лазоревы.
Сорву цветок, совью венок,
Совью венок милу дружку,
Милу дружку на головушку:
«Носи венок – не скидывай,
Терпи горе – не сказывай».*

Не заметила Настя, как завела песню и как её кончила. Но только что умолк её голос, на лугу с самого берега Гостомли слышалась другая песня. Настя сначала думала, что ей это показалось, но она узнала знакомый голос и, обернувшись ухом к лугу, слушала. А Степан пел:

*Как изгаснет зорька ясная,
Как задремлет свекровь лютая,
А моя жена сварливая, –
Выходи, моя лебёдушка,
Во зелёную дубровушку,
Во густой куст во калиновой.
Соловьём я свистну, молодец,
На мой посвист ты откликнешься
Перепёлочкою-пташечкой,
Свое горе позабудем мы,
Простим грусть-тоску сердечную.
Выходи, моя зазнобушка,
На совет, любовь, на радости, –
На зелёную кроватушку.
Приголубь меня, касаточка!
Расчеши мне кудри русые;
Посмотреть дай в очи чёрные,
Целовать дай плечи белые.*

«Господи! чтой-то он меня словно манит своей песнею», – подумала Настя, сбросила с крестца два верхние снопа и, свернувшись на них, уснула».

(С. 132-133)

«Житие одной бабы» (12+)

Лесков, Н. С. Очарованный странник. / Н. С. Лесков. – Текст : непосредственный // Лесков, Н. С. Повести. Рассказы / Н. С. Лесков. – Москва : Дрофа, 2003. – С. 37-152. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

«Но только вдруг вслушиваюсь, и слышу, что из-за этой циновочной двери льётся песня... томная-претомная, сердечнейшая, и поёт её голос, точно колокол малиновый, так за душу и щипет, так и берёт в полон. Я и слушаю и никуда далее не иду, а в это время дальняя дверка вдруг растворяется, и я вижу, вышел из неё высокий цыган в шёлковых штанах, а казакин бархатный, и кого-то перед собою скоро выпроводил в особую дверь под дальним фонарём, которую я спервоначала и не заметил. Я, признаться, хоть не хорошо рассмотрел, кого это он спровадил, но показалось мне, что это он вывел моего магнетизёра и говорит ему вслед:

- Ладно, ладно, не обижайся, любезный, на этом полтиннике, а завтра приходи: если нам от него польза будет, так мы тебе за его приведение к нам ещё прибавим.

И с этим дверь на защёлку защёлкнул и бежит ко мне будто ненароком, отворяет передо мною дверь, что под зеркальцем, и говорит:

- Милости просим, господин купец, пожалуйста наших песен послушать! Голоса есть хорошие.

И с этим дверь перед мною тихо навстежь распахнул... Так, милостивые государи, меня и обдало не знаю чем, но только будто столь мне сродным, что я вдруг весь там очутился. Комната этакая обширная, но низкая, и потолок повихнут, пузом вниз лезет, всё темно, закоптело, и дым от табаку такой густой, что люстра наверху висит, так только чуть её знать, что она светится. А внизу в этом дымище люди... очень много, страсть как много людей, и перед ними этим голосом, который я слышал, молодая цыганка поёт. Притом, как я взошёл, она только последнюю штучку тонко-претонко, нежно дотянула и спустила на нет, и голосок у неё замер... Замер её голосок, и с ним в одно мановение точно всё умерло... Зато через минуту все как вскочат, словно бешеные, и ладошами плещут и кричат. А я только удивляюсь: откуда это здесь так много народу и как будто ещё всё его больше и больше из дыму выступает? «Ух, – думаю, – да не дичь ли это какая-нибудь вместо людей?» Но только вижу я разных знакомых господ ремонтёров и заводчиков и так просто богатых купцов и помещиков узнаю, которые до коней охотники, и промежду всей этой публики цыганка ходит этакая... даже нельзя её описать как женщину, а точно будто как яркая змея, на хвосте движет, и вся станом гнётся, а из чёрных глаз так и жжёт огнём. Любопытная фигура!» (С.112-113)

«Очарованный странник» (12+)

«- Груша! Груша! «Челнок», Груша! «Челнок»!

Вот цыганы покашляли, и молодой её брат взял в руки гитару, а она запела. Знаете, их пение обыкновенно достигающее и за сердца трогает, а я как услышал этот самый её голос, на который мне ещё из-за двери манилось, расчувствовался. Ужасно мне как понравилось! Начала она так как будто грубовато, мужественно, эдак: «Мо-о-ре во-оо-о-ет, мо-ре сто-нет». Точно в действительности слышно, как и море стонет и в нём челночок поглощённый

бьётся. А потом вдруг в голосе совсем другая перемена, обращение к звезде: «Золотая, дорогая, предвещательница дня, при тебе беда зелёная недоступна до меня». И опять новая обратность, чего не ждёшь. У них все с этими обращениями: то плачет, томит, просто душу из тела вынимает, а потом вдруг как хватит совсем в другом роде, и точно сразу опять сердце вставит... Так и тут она это «море»-то с «челном» всколыхала, а другие как завизжат всем хором:

Джа-лб-ла. Джа-ла-ла.

Джа-лб-ла прингалб!

Джа-ла-ла принга-ла.

Гай да чепурингаля!

Гей гоп-гай, та-гара!

Гей гоп-гай-та гара!» (С.115)

«Очарованный странник» (12+)

«И много-с она пела, песня от песни могучее, и покидал я уже ей много, без счёту лебедей, а в конце, не знаю, в который час, но уже совсем на заре, точно и в самом деле она измаялась, и устала, и, точно с намёками на меня глядя, завела: «Отойди, не гляди, скройся с глаз моих». Этими словами точно гонит, а другими словно допрашивает: «Иль играть хочешь ты моей львиной душой и всю власть красоты испытать над собой». А я ей ещё лебеда! Она меня опять поневоле поцеловала, как ужалила, и в глазах точно пламя тёмное, а те, другие, в этот лукавый час напоследях как заорут:

Ты восчувствуй, милая,

Как люблю тебя, драгая! –

и все им подтягивают да на Грушу смотрят, и я смотрю да подтягиваю: «ты восчувствуй!» А потом цыгане как хватают: «Ходи, изба, ходи, печь; хозяину негде лечь» – и вдруг все в пляс пошли... Пляшут и цыгане, пляшут и цыганки, и господа пляшут: все вместе выются, точно и в самом деле вся изба пошла. Цыганки перед господами носятся, и те поспевают, им вслед гонят, молодые с посвистом, а кои старше с покрехтом. На местах, гляжу, уже никого и не остаётся... Даже от которых бы степенных мужчин и в жизнь того скоморошества не ожидал, и те все поднимаются. Посидит-посидит иной, кто посолиднее, и сначала, видно, очень стыдится идти, а только глазом ведёт, либо усом дёргает, а потом один враг его плечом дёрнет, другой ногой мотнёт, и смотришь, вдруг вскочит и хоть не умеет плясать, а пойдёт такое ногами выводить, что ни к чему годно! Исправник толстый-претолстый, и две дочери у него были замужем, а и тот с зятьями своими тут же заодно пыхтит, как сом, и пятками месит, а гусар-ремонтёр, ротмистр богатый и собой молодец, плясун залихватский, всех ярче действует: руки в боки, а каблуками навыверт стучит, перед всеми идёт – козырится, взагреб валяет, а с Грушей встренётся – головой тряхнёт, шапку к ногам её ронит и кричит: «Наступи, раздави, раскрасавица!» – и она... Ох, тоже плясунья была!» (С. 115-116) *«Очарованный странник» (12+)*

14. Нагибин Юрий Маркович

Юрий Маркович Нагибин открыто говорил, что у него нет музыкального слуха. Но благодаря великому русскому певцу Сергею Яковлевичу Лемешеву музыка стала важной частью его творчества. Благодаря творчеству великого певца Ю. М. Нагибин впервые познакомился с музыкой, открыл для себя неаполитанские песни и русские романсы.

В своих произведениях Нагибин использовал музыку не только как тему, но и как способ раскрыть внутренний мир своих героев, их страсти и уникальные черты. Писатель мастерски передавал индивидуальность персонажей, их неповторимую «сумасбродность».

Нагибин, Ю. Меломаны / Ю. Нагибин. – Текст : непосредственный // Нагибин, Ю. Переулки моего детства / Ю. Нагибин. – Москва : Современник, 1971. – С. 167-181.

«Мы с отцом вовсе не собирались в театр, просто бродили по воскресным весенним полуденным улицам, и какой-то помятый человечек предложил нам лишние билетки на *«Севильского цирюльника»*. Отец совершил несколько будничных движений – достал бумажник, порылся в нём, извлёк две старые трёшницы, получил билеты, дождался сдачи, и мы прошли – сперва в прохладный вестибюль, затем – в зрительный зал, и неловко пробрались к своим местам при медленно гаснущем свете». (С. 168)

«Меломаны» (12+)

«Я оставался глух к музыке Россини, но каждое появление на сцене невысокого, изящного, юношески стройного, дерзкого, насмешливого и отважного человека с очаровательно звучащим именем граф Альмавива наполняло меня неизъяснимым блаженством. Он был напоен щедрой и радостной жизнью, он любил девушку и, чтобы добиться её, вырвать из цепких лап ревнивого старика, надевал личину то странствующего певца, то монашка, то пьяного армейского офицера и наконец появлялся в своём истинном великолепии. Его удивительный, тёплый голос проникал мне в душу и, вытесняя её, сам становился нежной, лёгкой, радостной душой. Когда в зале зажётся свет, я прочёл в программе: «Граф Альмавива – Лемешев». (С. 168)

«Меломаны» (12+)

«По странному, роковому совпадению мне никогда не удавалось пройти на «Риголетто» к началу. Так же обстояло и с некоторыми другими операми: я слышал *«Онегину»* без признания Ленского в любви к Ольге, *«Фауста»* – без пролога, где он стар и седобород, я не видел въезда Ивана Грозного на лошади в *«Псковитянке»*, не присутствовал при счастливой

любви Князя с дочерью Мельника, будущей Русалкой, и очень поздно сподобился услышать застольную в «Травиате» и дивную арию Виолетты «Жить свободно, жить беспечно...». А вот с «Трубадуром» мне неизменно везло, и я раз за разом слушал восхитительный «Рассказ Феррандо», старого воина. И с «Флорией Тоской», будь она неладна, мне везло, хотя там в первом действии и слушать нечего». (С. 172)

«Меломаны» (12+)

«Чем была для нас опера? Развлечением, удовольствием? Нет, чем-то неизмеримо большим. Мы жили сурово и деловито. Шумный, пыльный двор был бессменной декорацией нашего скудного досуга. Никто из нас не видел ни моря, ни гор, ни чужих городов. Опера уводила нас в пленительный мир, исполненный любви, героизма, самопожертвования, несказанного благородства... По возвращении из театра мы не расходились по домам. Музыка владела нами, томила нас, искала выхода. Мы шли на чёрный двор, где вдоль задней стены дома, метрах в четырёх от неё, выстроились дровяные сараи. Здесь же медленно изгнивали в штабелях доски, брёвна и прочий строительный материал, предназначенный для ремонта дома, который никак не мог начаться. Мы выбирали место напротив пустующих с нэповских времён конюшен, чтоб не тревожить жильцов первого этажа. Час был довольно поздний, хотя со двора ещё доносились голоса и смех судачащих на крылечках женщин.

Мы никогда не повторяли только что прослушанной оперы. Она слишком чисто звучала в нас, чтобы посягать на неё нашими голосами. Обычно все вкусы сходились на «Риголетто».

Увертюру исполняли «слухачи»: Толька и Слава. Я особенно любил эту увертюру за её предельную краткость: несколько нарастающих раскатов, где властвуют трубы и медь, и сразу – дворцовый бал и появление герцога.

*«Та иль эта, – я не разбираю,
Все они красотой, как звёздочки, блещут.
Моё сердце восторгом трепещет,
Но не знает докучных цепей...»*

Это пою я. Пою с поразительным нахальством, бесстыдной выразительностью, самозабвенностью и полным отсутствием слуха. Голос у меня тоже чёрт-те что, какая-то простуженная, носовая фистула. Толька Симаков с его чистым, сильным дискантом и абсолютным слухом имел куда больше прав на теноровые партии, но по общему решению ему пришлось взять на себя репертуар сопрано. Контральтовые партии поёт Слава Зубков, и, конечно, он же ведущий бас. Павлик тешит себя мыслью, что у него глубокий баритон. Он переживает сейчас отроческую ломку голоса и, чтобы не пускать петуха, держит голос не в груди, а в гортани, кажется, что поёт удушенник. Впрочем, он не совсем лишен слуха. Зато я превосхожу всех музыкальной памятью: пусть фальшиво, приблизительно, но я могу пропеть любую оперу от начала до конца.

Поскольку Джильда появляется лишь во втором действии, Толька Симаков трудится за графиню Чепрано, а Слава изображает всех придворных подряд. Прихрамывая, входит Павлик – *Риголетто*... Клянусь, я и сейчас испытываю волнение, вспоминая эти спектакли у дровяных сараев. Для нас всё там творилось ничуть не менее достоверно, чем на сцене. Нам мерещились дворцовые залы, улицы и кабачки Мантуи, наши плечи ласкал атлас камзолов, бархат и шёлк иных одежд. Объясняясь в любви Джильде, я видел не конопатое рыло Симакова, а нежный ангельский лик дочери Риголетто, – в этом смысле и оперная сцена призывала к известному насилию над собой, – мой голос звучал всей искренностью любовного томления». (С. 173-175)

«Меломаны» (12+)

15. Островский Александр Николаевич

Александр Николаевич Островский часто включал музыку в свои произведения, чтобы лучше раскрыть характеры героев, создать атмосферу и подчеркнуть национальный колорит. Он использовал народные мелодии, романсы и другие музыкальные формы для придания своим пьесам глубины и многослойности.

В повседневной жизни писатель проявлял большой интерес к народной культуре: собирал фольклорные материалы, изучал народные обряды, песни, сказки и предания. В его произведениях часто встречаются элементы народного языка, пословицы, поговорки и приметы.

Таким образом, музыка в драматургии Островского становится важным средством для передачи эмоций, раскрытия сюжетных и психологических нюансов, а также для передачи духа времени и национального своеобразия.

Островский, А. Бесприданница : Драма в четырёх действиях. – Текст : непосредственный / А. Островский // Островский, А. Драматургия / А. Островский. – Москва : ООО «Издательство «Олимп» : ООО «Издательство «АСТ», 2002. – С. 133-213. – (Школьная хрестоматия).

«Илья. Что будем петь, барышня?

Лариса. «Не искушай».

Илья (подстраивая гитару). Вот третий голос надо! Ах, беда! Какой тенор был! От своей от глупости. (Поют в два голоса.)

Не искушай меня без нужды

Возвратом нежности твоей!

Разочарованному чужды

Все обольщения прежних дней.

Все различным образом выражают восторг. Паратов сидит, запустив руки в волосы. Во втором куплете слегка пристаёт Робинзон.

Уж я не верю увереньям,

Уж я не верую в любовь

И не хочу предаться вновь

Раз обманувшим сновиденьям.

Илья (Робинзону). Вот спасибо, барин. Выручил.

Кнуров (Ларисе). Велико наслаждение видеть вас, а ещё больше наслаждения слушать вас.

Паратов (с мрачным видом): Мне кажется, я с ума сойду. (Целует руку Ларисы.)

Вожеватов. Послушать да и умереть – вот оно что! (Карандышеву.) А вы хотели лишить нас этого удовольствия». (С. 189-190)

«Бесприданница» (12+)

Островский, А. Гроза : Драма в пяти действиях. – Текст : непосредственный / А. Островский // Островский, А. Драматургия / А. Островский. – Москва : ООО «Издательство «Олимп» : ООО «Издательство «АСТ», 2002. – С. 72-133. – (Школьная хрестоматия).

«Кудряш (входит с гитарой). Нет никого. Что ж это она там! Ну, посидим да подождём. (Садится на камень.) Да со скуки песенку споём. (Поёт.)

Как донской-то казак, казак вёл коня поить,

Добрый молодец, уж он у ворот стоит.

У ворот стоит, сам он думу думает,

Думу думает, как будет жёну губить.

Как жена-то, жена мужу возмолилася,

Во скоры-то ноги ему поклонилася,

Уж ты, батюшко, ты ли мил сердечный друг!

Ты не бей, не губи ты меня со вечера!

Ты убей, загуби меня со полуночи!

Дай уснуть моим малым детушкам,

Малым детушкам, всем ближним соседушкам». (С. 107)

«Гроза» (12+)

«Варвара (у калитки поёт).

За рекою за быструю мой Ваня гуляет,

Там мой Ванюшка гуляет...

Кудряш (продолжает).

Товар закупает...» (С. 110)

«Гроза» (12+)

«Кудряш (поёт под гитару).

*Гуляй, млада, до поры,
До вечерней до зори!
Ай-лели, до поры,
До вечерней до зари.
Варвара (у калитки).
А я, млада, до поры,
До утренней до зори,
Ай-лели, до поры,
До утренней до зари!
(Уходит.)
Кудряш.
Как зорюшка занялась,
А я домой поднялась
и т. д.» (С. 114-115)*

«Гроза» (12+)

16. Пушкин Александр Сергеевич

«Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает; но и любовь – мелодия...» – говорил великий русский поэт.

Александр Сергеевич Пушкин не играл на инструментах и не имел вокальных данных, однако его жизнь была насыщена музыкальными впечатлениями. Он высоко ценил музыку, интересовался её историей и влиянием на культурное наследие, а его литературные произведения часто становились основой для музыкальных композиций.

Влияние Пушкина на музыку было огромным. Его поэзия, проза и пьесы вдохновляли многих композиторов. Около 500 его произведений (поэзия, проза, драмы) послужили основой для более 3000 музыкальных сочинений.

При жизни поэта было написано около 80 романсов на его стихи.

По его произведениям было создано более 20 опер и свыше 10 балетов.

Ещё в лицейские годы отмечалась музыкальность стихов Пушкина.

Поэт восхищался русскими народными песнями и в своих стихах нередко подражал фольклору, заимствуя образы героев или сюжеты из народного творчества.

Композитор Пётр Ильич Чайковский в письме к Надежде Филаретовне фон Мекк отметил, что Пушкин, благодаря своему гениальному таланту, часто выходит за рамки поэзии и проникает в мир музыки. По его мнению, в стихах Пушкина, в их звуковой структуре, есть нечто, что глубоко трогает душу и вызывает музыкальные ассоциации.

Пушкин, А. С. Дубровский. – Текст : непосредственный / А. С. Пушкин // Пушкин, А. С. Дубровский. Капитанская дочка. Повести Белкина / А. С. Пушкин. – Москва : Издательство ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 7-92. – (Библиотека школьника).

«Караульщик кончил свою работу, встряхнул свою рухлядь, полюбовался заплатою, приколот к рукаву иголку, сел на пушку верхом и запел во всё горло меланхолическую старую песню:

*Не шуми, мати зелёная дубровушка,
Не мешай мне молодцу думу думать!». (С. 96)*

«Дубровский» (12 +)

Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин. –Москва : Дрофа, 2004. – 240 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы). – Текст : непосредственный.

«Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай;
Ей шепчут: «Дуня, примечай!»
Потом приносят и гитару:
И запищит она (бог мой!):
Приди в чертог ко мне златой!..» (С. 37)

«Евгений Онегин» (12+)

*«Песня девушек
Девицы, красавицы,
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь девицы,
Разгуляйтесь, милые!
Затяните песенку,
Песенку заветную,
Заманите молодца
К хороводу нашему,
Как заманим молодца,
Как завидим издали,
Разбежимтесь, милые,
Закидаем вишеньем,
Вишеньем, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Песенки заветные,
Не ходи подсматривать
Игры наши девичьи». (С. 70)*

«Евгений Онегин» (12+)

«Однообразный и безумный,
Как вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькает за четой.
К минуте мщенья приближаясь,
Онегин, втайне усмехаясь,
Подходит к Ольге. Быстро с ней
Вертится около гостей,
Потом на стул её сажает,
Заводит речь о том о сём;
Спустя минуты две потом
Вновь с нею вальс он продолжает;
Все в изумленье. Ленский сам
Не верит собственным глазам». (С. 107)

«Евгений Онегин» (12+)

«Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремел мазурки гром,
В огромной зале все дрожало,
Паркет трещал под каблуком,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, как дамы,
Скользим по лаковым доскам.
Но в городах, по деревням
Еще мазурка сохранила
Первоначальные красы:
Припрыжки, каблуки, усы
Всё те же: их не изменила
Лихая мода, наш тиран,
Недуг новейших россиян». (С. 107-108)

«Евгений Онегин» (12+)

Пушкин, А. С. Капитанская дочка. – Текст : непосредственный / А. С. Пушкин // Пушкин, А. С. Дубровский. Капитанская дочка. Повести Белкина / А. С. Пушкин. – Москва : Издательство ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 101-237. – (Библиотека школьника).

«- Нашли за что ссориться! за песенку!.. да как же это случилось?
- Да вот как: Петр Андреич сочинил недавно песню и сегодня запел её
при мне, а я затянул мою любимую»:
*Капитанская дочь,
Не ходи гулять в полночь». (С. 135)*

«Капитанская дочка» (12+)

«Ну, братцы, – сказал Пугачев, – затынем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумаков! Начинай!» Сосед мой затынул тонким голосом заунывную бурлацкую песню и все подхватили хором:

*Не шуми, мати зелёная дубровушка,
Не мешай мне доброму молодцу думу думати.
Что завтра мне доброму молодцу в допрос идти
Перед грозного судью, самого царя.
Ещё станет государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Ещё много ли с тобой было товарищей?
Я скажу тебе, надежа православный царь,
Всеё правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Ещё первый мой товарищ тёмная ночь,
А второй мой товарищ булатный нож,
А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,
А четвёртый мой товарищ, то тугой лук,
Что рассыльщики мои, то калёны стрелы.
Что возговорит надежа православный царь:
Исполать тебе, детинушка крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной.*

Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обречёнными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, – всё потрясало меня каким-то пиитическим ужасом». (С. 140)

«Капитанская дочка» (12+)

17. Рекемчук Александр Евсеевич

Музыка играет ключевую роль в произведениях Александра Евсеевича Рекемчука, особенно в его повести «Мальчики» (1970). Это произведение исследует темы таланта, призвания и взросления через призму музыкального искусства.

Главный герой Женя Прохоров – мальчик из детского дома с абсолютным музыкальным слухом и выдающимся голосом. Его переводят в интернат для талантливых детей, где он становится солистом хора мальчиков. Музыка становится неотъемлемой частью его жизни, помогая ему справляться с трудностями, взрослеть и искать своё место в мире. В повести

подчёркивается, что «музыка скрывалась за всеми предметами, которые мы изучали. Она проявлялась сквозь них в виде пяти линеек нотного стана на классной доске. Она была везде: я здесь!.. Она напоминала, что она самое важное в мире».

На основе повести «Мальчики» была создана радиопостановка Всесоюзного радио СССР. В программе звучали песни («Ласточка», «Орлёнок» и другие), исполненные хором мальчиков, а также дуэт Ромео и Джульетты, который исполнили С. Лемешев и Т. Лаврова.

В радиопостановке, выпущенной в 1973 году, музыку исполнял известный музыкант и композитор Евгений Крылатов.

Таким образом, музыка в творчестве Рекемчука является не только основной темой, но и важным элементом сюжета, связанным с духовным ростом героя и его поиском своего предназначения.

Рекемчук, А. Е. Мальчики / А. Е. Рекемчук. – Москва : ЭНАС-КНИГА, 2015. – 280 с. – (Куда уходит детство). – Текст : непосредственный.

«Роза Михайловна положила руки на клавиши.

Ходила младёшенька

По борочку-у,

Брала, брала ягодку

Земляни-ичку...

Хор наш пел изо всей мочи. Но, хотя мы все знали эту песню, у нас почему-то не получалось полного лада. Одни пели в лад тому, что играла на пианино Роза Михайловна, а другие вовсе не в лад, будто нарочно, – слова те же самые, а музыка совсем другая. Кто в лес, кто по дрова. Ну, да мы ведь ещё маленькие были, какой с нас спрос?» (С. 10)

«Мальчики» (12+)

« - А теперь, – сказала Роза Михайловна, – все остальные помолчат, а Саша Тиунова споёт одна... – И снова ударила по клавишам.

Вот летит и жуужжит пчёлка золотая...

Глаза представителя как-то сразу подобрели.

Потому что пела Саша Тиунова. Уж очень хорошо она поёт». (С. 21)

«Мальчики» (12+)

«- А сейчас, – сказала Роза Михайловна, – мы споём песенку про весёлых гусей. Запевает Женя Прохоров.

Я набрал ртом побольше воздуха и, дождавшись, когда Роза Михайловна врубится в клавиши, затаил:

Жили у бабуси

Два весёлых гуся...

Тут вся остальная компания подхватила:

Один серый, другой белый,

Два весёлых гуся...

Причём все куда-то страшно торопились, частили, тараторили. И Роза Михайловна очень быстро колотила по клавишам,

Не знаю, может быть, эту песню и следует петь так быстро». (С. 22)

«Мальчики» (12+)

«- А ещё, – сказал я, помявшись, – можно я спою одну песню? Только...

- Разумеется, – кивнул представитель.

- Какую? – встревожилась Вера Ивановна.

- Только... эту песню по радио не дяденька поёт, а тётя, – я смутился, сообщив об этом. Кроме того, я знал песню не до конца, а лишь самое начало. Но мне очень нравилась эта песня,

- Пожалуйста, – разрешил представитель.

Я отступил ещё на два шага. Сглотнул комок в горле, потому что, едва я вспоминал эту песню, мне вдруг делалось грустно. Это была довольно грустная песня.

В ясный день желанный

Пройдёт и наше горе.

Мы увидим в дали туманной

Дымок, вот там, на море...

Мне всегда, когда я слушал и пел эту песню, так ясно представлялось море, которого я никогда не видел, и этот дымок, этот корабль, которого я тоже нигде не видел, кроме как в кино, и ещё мне представлялась какая-то очень красивая тётя, которая стоит на берегу и ждёт-дожидается, куда появится корабль... И я догадывался, что ничего она не дожждётся.

Я уж говорил, что не знал до конца этой песни, я знал только начало. Но мне и не пришлось бы её допеть.

Потому что, едва я пропел самое начало, этот представитель, Владимир Константинович, вдруг снял свои очки, вытащил из кармана платок и стал им утирать глаза: они у него покраснели, заслезились. Наверное, от этой песни ему стало так же грустно, как обычно делалось мне.

- Это «Чио-Чио-Сан», – сказала Роза Михайловна Вере Ивановне.

У Веры Ивановны глаза были спокойные. Она теперь успокоилась, Она, должно быть, вначале боялась, что я спою что-нибудь слышанное невзначай на улице». (С. 25-26)

«Мальчики» (12+)

«Вот Александр Николаевич Скрябин. Великий музыкант. Может быть, самый великий из великих. Во всяком случае, для меня он с_а_м_ы_й. всю жизнь он старался объяснить свою музыку, рассказать о ней своими словами. Сочинит симфонию – и тут же напишет книжку: мол, так и так, это и это, тут

вот одно, а здесь другое. Он даже специально выучился писать стихи, чтобы в стихах пересказывать свою музыку. Но стихи остались стихами, а музыка музыкой. И ничего общего не было между ними.

Я не случайно завёл речь об Александре Николаевиче.

Потому что, едва я поступил в училище – в первую же зиму, – нас повели в Большой зал Консерватории слушать концерт.

Теперь, по прошествии лет, я удивляюсь: зачем это нас, новичков, вздумали вести на Скрябина? Ну, старшеклассников – это понятно. Им даже Скрябин не в диковину. Им и море по колено... Но нас? Ведь мы в то время, едва-едва читая ноты, раскорячив непослушные пальцы, играли на пианино несчастного «Зайку». И вдруг – Скрябин.

Однако я начинаю догадываться, что в этом не было никакой педагогической оплошности.

Ведь самый лучший способ научить детей плавать – это кидать их прямо в воду: плывите, голубчики!

Короче говоря, нас повели на Скрябина.

Мы всем училищем, всем хором заявили в этот Большой зал и чинно-благородно расселись по местам.

Зал и впрямь был очень большой и красивый. Весь такой белоснежный. А на стенах слева и справа портреты знаменитых композиторов: один с бородой, другой с усами, третий седой, четвёртый лохматый, – но я тогда ещё никого из них не знал в лицо, не знал по имени, а лишь догадывался, что они знаменитые.

Оркестрантов на сцене было очень много, человек сто, если не больше, и все они вдруг заиграли на своих инструментах, притом каждый пилил и дудел своё собственное, не обращая никакого внимания на то, что играет сосед. Они, должно быть, позабыли раньше настроить свои скрипки и дудки и теперь впопыхах занялись этим делом при всём честном народе. Шум, гам, с ума сойти...

Наконец они утомонились.

Тогда, цокая высокими каблуками, вышла тётенька и объявила:

- Скрябин, *«Поэма экстаза»*.

И так же достойно удалилась.

А вместо неё стремительным шагом, почти бегом на сцену ринулся человек в чёрной курточке с развевающимися сзади хвостами, в ослепительной белой сорочке и с таким же белым галстуком.

В зале тотчас же захлопали в ладоши, хотя, по-моему, хлопать-то было рановато: ведь он ещё ничего такого не сделал, чтобы заслужить эти хлопки, разве что только очень лихо для своего возраста вспрыгнул на тумбу посреди сцены.

Дирижёр поднял палочку. Всё стихло.

И я даже не заметил, как началась музыка. Настолько она была тиха. Так тиха, что совсем не отличишь от тишины.

Я удивился: зачем же было сгонять на сцену столько музыкантов ради такой тихой музыки – на это хватило бы и трёх человек, включая дирижёра». (С. 66-68)

«Мальчики» (12+)

«Мы пели в тот вечер обычный наш репертуар: «*Пришла весна*» Гайдна, баховский *Терцет*, «*Колыбельную*» Лядова, «*В небе*» Палестрины, кое-что из новых авторов. Это кое-что из новых авторов у нас постепенно обновлялось, ведь новую музыку нужно пропагандировать – святое дело. Но Бах, Лядов, Палестрина оставались всегда и неизменно, так, вероятно, они и останутся.

Ведь, скажем, этот самый Джованни Палестрина: он жил на свете четыреста лет назад, че-ты-ре-ста!.. И песню «*В небе*» он в ту пору написал специально для мальчишеского хора.

Привет, Джованни Палестрина!

Мы всё ещё поём твою песню.

Мы поём.

Нас слушают, замерев.

На нас смотрят, боясь шелохнуться». (С. 88)

«Мальчики» (12+)

«Порядок. Первые фразы спеты нормально. Как на репетициях. Правда, на репетициях мне доводилось петь в очень маленьком зале училища. Я ещё никогда не слышал своего одинокого голоса в таком просторе, как этот большой консерваторский зал, который не случайно называется Большим залом. До чего же отчаянно далеки крайние ряды этого зала, как отдалён и высок балкон! А ведь и там сидят люди. Они деньги за билеты платили, Слышно ли им?..

Но я уже знаю, что слышно. Я даже не пытаюсь напрягать голос, да это и запрещено нам строго-настрого, однако твёрдо знаю, что меня слышат в самых последних рядах. Потому что мой голос летуч. Если бы даже я сейчас пел совсем тихо, пианиссимо, его всё равно бы услышали там, поскольку он обладает должной полётностью. Да, услышали бы – и без всяких микрофонов, без всяких динамиков. «Нет, то сын перед матерью поклоняется...»

Рука дирижёра ложится на белый пластрон, на грудь. Я понимаю, что это означает. Это означает, во-первых: «Женя, поставь звук на диафрагму... Вот так, хорошо». Это означает, во-вторых: «Женя, сердечней, сердечней... ведь это сын поклоняется перед матерью». Это означает, в-третьих: «Женя, не «акай», пожалуйста, «о-о»...»

Я всё это отлично понимаю. Я стараюсь. Я держу звук на диафрагме: слышите, как он глубок? Я представляю себе, как должен поклоняться сын родной матери. У меня тоже была мама. Я поклоняюсь ей.

Я торжественно «окаю»:

...пОклОняецца...

Привет, Джованни Палестрина! Ты, который жил четыреста лет назад. А знаешь ли ты, что эту песню, эту былину, которую я пою сейчас, пели ещё за четыреста лет до тебя? Её пел Боян. Её пели гусяры – зрячие и слепые. И, может быть, русоголовые мальчишки-поводыри тоже пели эту песню о славном Добрыне Никитиче...

Вступает хор.

Потом долго гремят аплодисменты.

Потом я – уже не на словах, а на деле – поклоняюсь. Публике. На последних репетициях меня научили прилично раскланиваться.

- *Композитор Белый, «Орлёнок»,* – объявляет ведущий.

За роялем появляется концертмейстер. Эта песня идёт под аккомпанемент. Это наша советская песня. Уж не знаю, по вкусу ли она придётся строгим ценителям академического пения. Но эта песня неотделима от нашего хора.

Я запеваю:

Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца

И стени с высот огляди.

Навеки умолкли весёлые хлопцы,

В живых я остался один...

И тотчас я ощущаю, как что-то теснит моё сердце. Я мог бы даже сказать, что у меня комок подступает к горлу. Но это исключено. Никаких комков! Ведь я пою, и горло должно быть свободно, чисто. А вот насчёт сердца – тут уж и впрямь теснит...

Я люблю эту песню. Её суровые и честные слова. Её мелодию. Это прекрасная мелодия. Я давно обратил внимание, как нарастают в ней высокие ноты: взмах крыльев – и спад, взмах, ещё выше – и спад, и ещё, ещё выше – и снова спад... Там, в этой песне, есть удивительные вещи. Пятый по счёту звук в начале куплета – самый низкий, си. Он повторится лишь в конце рефрена, итогом. Но, вот поди ж ты, в начале четвёртой фразы («в живых я...») будет звучать обыкновеннейшее ре-бемоль, а оно покажется ниже начального си, хотя на самом деле оно выше. И даже мне, поющему эту песню, оно кажется гораздо ниже, – у меня даже возникает чувство, будто мне трудней пропеть это ре-бемоль, чем только что легко и свободно взятое си. И тут – вот тут! – следует неожиданный взлёт, это отчаянная, как вскрик, октава: «навеки-и-и...» Нет, это очень здорово!

Я люблю «Орлёнка». И часто размышляю о нём. Как написал композитор эту песню? То ли пришла она к нему сама в счастливый час, разом вырвалась из души? Или же он долго, мучительно прокладывал эти мелодические ходы, строил чередования высот, перепады ладов? Как вообще сочиняют музыку?..

И вот «Орлёнок» допет.

Кажется, я вполне прилично спел свою партию. Не хуже Коли Бирюкова.

Но что тут началось в зале – в этом благородном и чинном консерваторском зале!...» (С. 91-94)

«Мальчики» (12+)

«Яков Насонович, не поворачивая головы, включил в гнездо ещё один шнур и протянул мне наушники, запасные, должно быть, – сам-то он был тоже в наушниках.

И как раз вовремя. Потому что уже кончилось оркестровое вступление. И следом вступил женский – нет, девичий нежный голос:

О-о, милый мой, ты песни соловьиной

Так испугался?..

А мужской – нет, юношеский голос – ответил:

То-о не соловей...

Это были Ромео и Джульетта.

Она, Джульетта, уверяла своего друга, своего возлюбленного, что ещё не утро, что ещё далеко до утра, что это всего лишь соловей, ночной певун, сыплет трели в саду, на гранатном дереве... Нет, ещё не утро. Ещё не час прощаться.

Но Ромео лучше своей подружки различал птичьи голоса. Он слышал, что это не соловей, а жаворонок. И если жаворонок – то, значит, уже утро. Свиданию конец. Пора расставаться. Иначе ему, Ромео, не сносить головы.

Это был Чайковский. Дуэт Ромео и Джульетты. Не из оперы, а просто так, сам по себе дуэт, Я хорошо знал этот дуэт. Я его много раз слышал по радио. И, кроме упоения музыкой, восхищался ещё и другим: тем, что Чайковский взял из всей этой знаменитой истории лишь одну сцену – свидание. И даже не свидание, а расставание. Признаюсь откровенно: я ещё не успел прочесть самой книжки «Ромео и Джульетта». Сто раз собирался, но так и не прочёл. Но я в общих чертах знал, какое там содержание. Про Монтекки, про Капулетти. И про то, что там под конец все друг дружку перережут, поотравляют. Известное дело, Шекспир...

И я испытывал чувство благодарности к Петру Ильичу Чайковскому за то, что он оставил в стороне все эти огорчительные события, а взял самое главное и самое прекрасное – любовь. Любовь Ромео и Джульетты.

Вот сейчас они вроде бы поменяются ролями. Уже сама Джульетта, убедившись, что настало утро, что и впрямь это не соловей, а жаворонок, станет умолять Ромео уйти поскорее. И тут уж он будет обманывать её, уверять: нет, то соловей...

О миг блаженный.

Остановись.

А ты, ночь любви, скрой

И приюти под сень твою...

Два голоса. Они неразделимы. В созвучии. В мольбе.

Мне очень нравится голос Танечки. Прелестный голос. Однако для меня важнее другой голос – голос Ромео, голос Лемешева. Вот он. Я жадно

ловлю его интонации, его движения. И обмираю от каждой ноты. Потому что это несказанное чудо – лемешевский голос, чудо из чудес.

И это уже прощание...

Они прощаются, Ромео и Джульетта.

Прости,

Прости-и...» (С. 122-124)

«Мальчики» (12+)

«Но в этом году безраздельно царствовал Робертино. Итальянский мальчик Робертино Лоретти. Мой ровесник.

Что творилось из-за этого Робертино! Вокруг только и разговоров было, что о нём. Все озабоченно гадали, когда же он приедет на гастроли в Советский Союз. В парках, в кинотеатрах, на площадях, на стадионах, в поездах, на пароходах, в банях и парикмахерских с утра до ночи распевал Робертино Лоретти. Люди давились в очередях за его грампластинками. Люди ходили по улицам, долдоня, как попугаи: «О, паппагалло, паппагалло...»

Словом, это было какое-то всеобщее наваждение.

Я тоже, конечно, слышал песни Робертино Лоретти. Мне нравился голос этого мальчика. Видел я в журнале и его портрет: чернявый такой, вроде нашего Маратика.

И клянусь, что я не испытывал ни зависти к нему, ни других низменных чувств. Просто возникало некоторое недоумение. Разве мой голос хуже? В последнее время я часто солировал в концертах. Была выпущена моя пластинка. Однако из-за этой пластинки никто не ломал друг дружке ребер в очередях. Никто не печатал в журналах моих портретов. И до сих пор почему-то меня не звали на гастроли в Италию...

Но, повторяю, у меня не было никаких претензий к Робертино Лоретти». (С. 157-158)

«Мальчики» (12+)

«Я покосился на стену. Как раз в нашем классе висел на стене портрет Иоганна Себастьяна Баха. Он в расстёгнутом камзоле с бронзовыми пуговицами на обшлагах, в расстёгнутой жилетке – дородный такой и важный. Брови нахмурены, глаза строги. Пышный белый парик венчает голову. В руке нотный лист, а что там – «Бранденбургский концерт», или знаменитая ре-минорная Токатта, или «Страсти по Матфею» – не разобрать...

Великий, недостижимый Бах.

Я на своём веку много играл Баха, Когда совсем маленьким был, играл его забавную «Волынку» и грустный Менуэт. Позже – баховские инвенции. Потом «Хорошо темперированный клавир»: прелюдия и фуга, прелюдия и фуга, тональность за тональностью, страница за страницей...

Я подолгу просиживал за фортепьяно. Даже в ту пору, когда пел – когда я пел, и был знаменит, и был всеми обласкан, и был счастлив, – я не забывал фортепьяно, хранил верность этому инструменту, прельстившему меня ещё в детдоме, ещё в Липецке.

Игра на фортепьяно обязательна для всех музыкантов. Потому что этот инструмент – царь царей. Он общий для всех. В музыкальных училищах, в консерваториях прямо так и называется предмет: о_б_щ_е_е фортепьяно. И будь ты хоть скрипач, хоть флейтист, хоть барабанщик, хоть певец, чем бы ты ни занимался, на кого бы ни учился – ты ещё непременно должен играть на фортепьяно. Обязан! Но кое-кто смотрит на это общее фортепьяно, как на доуку. Ему неохота. Ему это кажется излишним. На скрипке, допустим, он уже скоро догонит Ойстраха-отца и Ойстраха-сына, а на фортепьяно – тут он ещё осваивает «Детский альбом»...

Я, между прочим, слышал, что один чудака из «Гнесинки» нарочно сочинил «Концерт для общего фортепьяно с оркестром». Там симфонический оркестр выдаёт на полной мощи бетховенское «Та-та-та-та-ам! Та-та-та-та-ам!», а парень, который сидит за роялем, в ответ – одним пальцем: «*Во саду ли, в огороде...*»

Но – шутки в сторону – для меня лично фортепьяно всегда было и святыней, и делом. Я много играл. И на протяжении всех лет мне сопутствовал Бах, То есть бывали у меня и более страстные увлечения, о которых я говорил и ещё расскажу, но при этом неизменно оставался Бах, и я думаю, что это навсегда». (С. 195-197)

«*Мальчики*» (12+)

«Да, нам так нравился голос Марата Алиева, что едва ли не каждый вечер перед сном мы заставляли его петь. Силком заставляли. Он отнекивался, говорил: «Спать хочу». А мы: «Пой! Пой сию же минуту, а то, знаешь...». Бедный Маратик, тяжело вздыхая, подымался в рост на кровати, закутывался простыней, сплетал пальцы на уровне пупа, вздымал подбородок – и:

Пою-у тебе-э, бог Гименя!

Ты, кто соединяет

Невесту с женихом...

Мы замирали. Такой это был голос. А ведь мы понимали толк в голосах. У нас у самих когда-то были голоса.

Слава и хвала

Кризе и Неро-ону!

Слава и хвала-а-а...

В коридоре уже шлёпали босые пятки: это подкрадывались ребята из соседней комнаты, это всё общежитие собиралось, чтобы послушать концерт, послушать Марата Алиева.

А он между тем, позабыв, что ему хотелось спать, входил в раж. Его большущие чёрные глаза округлялись вдохновенно и грозно. Вслед за

рубинштейновской «Эпиталамой» звучали баритональные признания Онегина, за «Песней Веденецкого гостя» – «Фигаро, Фигаро, Фи-ии-га-ро...»

И теперь уже у нас самих смыкались глаза, мы зевали украдкой, борясь с подступающим сном.

А Маратик, стоя на кровати, всё пел и пел...» (С. 232-233)

«Мальчики» (12+)

«На эстраде, к моему удивлению, несмотря на столь ранний час, уже сидели парни в красных рубашках – пятеро: кларнет, саксофон, бас-гитара, пианино и ударник. Они играли «Мэн ай лав» Джорджа Гершвина, но, пройдя десяток тактов, смолкли безо всякой причины – и начали снова. Я понял, что это ещё не концерт, а подготовка, что парни просто репетируют свою программу на глазах у жующей публики – может, у них не было для репетиций другого подходящего места. Совсем молодые парни. В красных рубашках.

Я, признаться, не люблю таких вот мелких самодеятельных джазов. Я люблю настоящий джаз. Большие, сыгранные, богатые медью оркестры: из наших Олега Лундстрема, а из чужих мне понравился недавно приезжавший в Москву джаз Бенни Гудмэна; он, пожалуй, был даже чересчур велик по составу, и, как говорили, оттого, что половину мест там занимали агенты цэ-рэ-у... Во гады!» (С. 266-267)

«Мальчики» (12+)

18. Твардовский Александр Трифонович

Александр Трифонович Твардовский – поэт, творчество которого тесно переплетается с музыкой. Многие его стихи легли в основу песен и музыкальных произведений, а он сам принимал участие в создании некоторых музыкальных композиций.

Твардовский, А. Василий Тёркин. Книга про бойца / А. Твардовский. – Москва : Художественная литература, 1976. – 219 с. – Текст : непосредственный.

«Только взял боец трёхрядку,
Сразу видно – гармонист.
Для началу, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

Позабытый деревенский
Вдруг завёл, глаза закрыв,
Стороны родной смоленской

Грустный памятный мотив,

И от той гармошки старой,
Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало
На дороге фронтовой.
От машин заиндевелых
Шёл народ, как на огонь.
И кому какое дело,
Кто играет, чья гармонь.

Только двое тех танкистов,
Тот водитель и стрелок,
Всё глядят на гармониста —
Словно что-то невдомёк.

Что-то чудится ребятам,
В снежной крутится пыли.
Будто виделись когда-то,
Словно где-то подвезли...

И, сменивши пальцы быстро,
Он, как будто на заказ,
Здесь повёл о трёх танкистах,
Трёх товарищах рассказ.

Не про них ли слово в слово,
Не о том ли песня вся.
И потупились сурово
В шлемах кожаных друзья.

А боец зовёт куда-то,
Далеко, легко ведёт.
- Ах, какой вы все, ребята,
Молодой ещё народ.

Я не то ещё сказал бы, —
Про себя поберегу.
Я не так ещё сыграл бы, —
Жаль, что лучше не могу.
Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу,
И давайте я на шутку
Это всё переведу». (С. 53-55)

«Василий Тёркин» (12+)

19. Толстой Лев Николаевич

Лев Николаевич Толстой называл музыку «самым высоким искусством в мире» и часто использовал её, чтобы показать, насколько духовно богаты его герои. Он верил, что музыка помогает передать чувство осмысленности жизни, которое трудно выразить словами, но легко понять сердцем.

«Музыка – это единственное из всего мирского, что действует на меня... Это подобно тому, как я радуюсь, смотря на природу...», – говорил Л. Н. Толстой.

Толстой, Л. Н. Альберт / Л. Н. Толстой. – Текст : непосредственный // Толстой, Л. Н. Сборник / Л. Н. Толстой. – Москва : «Звонница-МГ», 2000. – С. 200-226. – (Библиотека мировой новеллы).

«Альберт в это время, не обращая ни на кого внимания, прижав скрипку к плечу, медленно ходил вдоль фортепьяно и настраивал её. Губы его сложились в бесстрастное выражение, глаз не было видно; но узкая костлявая спина, длинная белая шея, кривые ноги и косматая чёрная голова представляли чудное, но почему-то вовсе не смешное зрелище. Настроив скрипку, он бойко взял аккорд и, вскинув голову, обратился к пьянисту, приготовившемуся аккомпанировать.

- «*Melancholie C-dur!*» – сказал он, с повелительным жестом обращаясь к пьянисту.

И вслед за тем, как бы прося прощения за повелительный жест, кротко улыбнулся и с этой улыбкой оглянул публику. Вскинув волосы рукой, которой он держал смычок, Альберт остановился перед углом фортепьяно и плавным движением смычка провёл по струнам. В комнате пронёсся чистый, стройный звук, и сделалось совершенное молчание.

Звуки темы свободно, изящно полились вслед за первым, каким-то неожиданно-ясным и успокоительным светом вдруг озаряя внутренний мир каждого слушателя. Ни один ложный или неумеренный звук не нарушил покорности внимающих, все звуки были ясны, изящны и значительны. Все молча, с трепетом надежды, следили за развитием их. Из состояния скуки, шумного рассеяния и душевного сна, в котором находились эти люди, они вдруг незаметно перенесены были в совершенно другой, забытый ими мир. То в душе их возникало чувство тихого созерцания прошедшего, то страстного воспоминания чего-то счастливого, то безграничной потребности власти и блеска, то чувства покорности, неудовлетворённой любви и грусти. То грустно-нежные, то порывисто-отчаянные звуки, свободно перемеживаясь между собой, лились и лились друг за другом так изящно, так сильно и так бессознательно, что не звуки слышны были, а сам собой лился в душу каждого какой-то прекрасный поток давно знакомой, но в первый раз высказанной поэзии. Альберт с каждой нотой вырастал выше и выше. Он

далеко не был уродлив или странен. Прижав подбородком скрипку и с выражением страстного внимания прислушиваясь к своим звукам, он судорожно передвигал ногами. То он выпрямлялся во весь рост, то старательно сгибал спину. Левая напряжённо-согнутая рука, казалось, замерла в своём положении и только судорожно перебирала костлявыми пальцами; правая двигалась плавно, изящно, незаметно. Лицо сияло непрерывной, восторженной радостью; глаза горели светлым сухим блеском, ноздри раздувались, красные губы раскрывались от наслаждения.

Иногда голова ближе наклонялась к скрипке, глаза закрывались, и полузакрытое волосами лицо освещалось улыбкой кроткого блаженства. Иногда он быстро выпрямлялся, выставлял ногу; и чистый лоб, и блестящий взгляд, которым он окидывал комнату, сияли гордостью, величием, сознанием власти. Один раз пьянист ошибся и взял неверный аккорд. Физическое страдание выразилось во всей фигуре и лице музыканта. Он остановился на секунду и, с выражением детской злобы топая ногой, закричал: «Moi, c-moi!» Пьянист поправился, Альберт закрыл глаза, улыбнулся и, снова забыв себя, других и весь мир, с блаженством отдался своему долгу.

Все находившиеся в комнате во время игры Альберта хранили покорное молчание и, казалось, жили и дышали только его звуками». (С. 203-204)
«Альберт» (12+)

Толстой, Л. Н. Война и мир : Роман в четырёх томах. Т. I-II/ Л. Толстой. – Москва : Издательство Эксмо, 2003. – 736 с. – (Русская классика). – Текст : непосредственный.

«Молодёжь, подстрекаемая графией, собралась около клавинорд и арфы. Жюли первая, по просьбе всех, сыграла на арфе пиеску с вариациями и вместе с другими девицами стала просить Наташу и Николая, известных своею музыкальностью, спеть что-нибудь. Наташа, к которой обратились как к большой, была, видимо, этим очень горда, но вместе с тем и робела.

- Что будем петь? – спросила она.

- *Ключ*, – отвечал Николай.

- Ну, давайте скорее. Борис, идите сюда, – сказала Наташа. – А где же Соня?» (С. 82)

«Война и мир» (12+)

«По просьбе гостей молодые люди спели квартет «Ключ», который всем очень понравился; потом Николай спел вновь выученную им песню:

В приятну ночь, при лунном свете,

Представить счастливо себе,

Что некто есть ещё на свете,

Кто думает и о тебе!

Что и она, рукой прекрасной

*По арфе золотой бродя,
Своей гармониею страстной
Зовёт к себе, зовёт тебя!
Ещё день, два, и рай настанет.
Но ах! твой друг не доживёт!*

И он не допел ещё последних слов, когда в зале молодежь приготовилась к танцам, а на хорах застучали ногами и закашляли музыканты». (С. 84)

«Война и мир» (12+)

«Барабанщик-запевало обернулся лицом к песенникам и, махнув рукой, затыкнул протяжную солдатскую песню, начинавшуюся: *«Не зря ли, солнышко занималось...»* и кончавшуюся словами *«То-то, братцы, будет слава нам с Каменским-отцом...»* Песня эта была сложена в Турции и пелась теперь в Австрии, только с тем изменением, что на место «Каменским-отцом» вставляли слова: «Кутузовым-отцом».

Оторвав по-солдатски эти последние слова и махнув руками, как будто он бросал что-то на землю, барабанщик, сухой и красивый солдат лет сорока, строго оглянул солдат-песенников и зажмурился. Потом, убедившись, что все глаза устремлены на него, он как будто бережно приподнял обеими руками какую-то невидимую драгоценную вещь над головой, подержал её так несколько секунд и вдруг отчаянно бросил её:

Ах вы, сени мои, сени!

«*Сени новые мои...*», – подхватили двадцать голосов, и ложечник, несмотря на тяжесть амуниции, резво выскочил вперёд и пошёл задом перед ротой, пошевеливая плечами и угрожая кому-то ложками. Солдаты, в такт песни размахивая руками, шли просторным шагом, невольно попадая в ногу. Сзади роты слышались звуки колёс, похрускивание рессор и топот лошадей. Кутузов со свитой возвращался в город. Главнокомандующий дал знак, чтобы люди продолжали идти вольно, и на его лице и на всех лицах его свиты выразилось удовольствие при звуках песни, при виде пляшущего солдата и весело и бойко идущих солдат роты». (С. 148-149)

«Война и мир» (12+)

«Заиграли вновь вводившуюся мазурку. Николай не мог отказать Иогелю и пригласил Соню. Денисов подсел к старушкам и, облокотившись на саблю, притопывая такт, что-то весело рассказывал и смешил старых дам, поглядывая на танцующую молодёжь. Иогель в первой паре танцевал с Наташей, своею гордостью и лучшей ученицей. Мягко, нежно перебирая своими ножками в башмачках, Иогель первым полетел по зале с робевшей, но старательно выделяющейся па Наташей. Денисов не спускал с неё глаз и пристукивал саблей такт с таким видом, который ясно говорил, что он сам не танцует только оттого, что не хочет, а не оттого, что не может». (С. 409)

«Война и мир» (12+)

«Денисов, с блестящими глазами и взъерошенными волосами, сидел, откинув ножку назад, у клавикорд и, хлопая по ним своими коротенькими пальчиками, брал аккорды и, закатывая глаза, своим маленьким, хриплым, но верным голосом пел сочинённое им стихотворение «Волшебница», к которому он пытался найти музыку.

*Волшебница, скажи, какая сила
Влечёт меня к покинутым струнам;
Какой огонь ты в сердце заронила,
Какой восторг разлился по перстам! –*

пел он страстным голосом, блестя на испуганную и счастливую Наташу своими агатовыми чёрными глазами.

- Прекрасно! отлично! – кричала Наташа. – Ещё другой куплет, – говорила она, не замечая Николая». (С. 416-417)

«Война и мир» (12+)

«Наташа в эту зиму в первый раз начала серьёзно петь и в особенности оттого, что Денисов восторгался её пением. Она пела теперь не по-детски, уж не было в её пении этой комической, ребяческой старательности, которая была в ней прежде, но она пела ещё не хорошо, как говорили все знатоки-судьи, которые её слушали. «Не обработан, но прекрасный голос, надо обработать», – говорили все. Но говорили это обыкновенно уже гораздо после того, как замолкал её голос. В то же время, когда звучал этот необработанный голос с неправильными придыханиями и с усилиями переходов, даже знатоки-судьи ничего не говорили и только наслаждались этим необработанным голосом, и только желали ещё раз услышать его. В голосе её была та девственность, нетронутость, то незнание своих сил и та необработанная ещё бархатность, которые так соединялись с недостатками искусства пения, что, казалось, нельзя было ничего изменить в этом голосе, не испортив его.

«Что ж это такое? – подумал Николай, услышав её голос и широко раскрывая глаза. – Что с ней сделалось? Как она поёт нынче?» – подумал он. И вдруг весь мир для него сосредоточился в ожидании следующей ноты, следующей фразы, и всё в мире сделалось разделённым на три темпа: «Oh miocrudeleaffetto... Раз, два, три... раз, два... три... раз... Oh miocrudeleaffetto... Раз, два, три... раз. Эх, жизнь наша дурацкая! – думал Николай. – Всё это, и несчастье, и деньги, и Долохов, и злоба, и честь, – всё это вздор... а вот оно – настоящее... Ну, Наташа, ну, голубчик! ну, матушка!.. Как она этот si возьмёт... Взяла? Слава Богу! – И он, сам не замечая того, что он поёт, чтобы усилить этот si, взял втору в терцию высокой ноты. – Боже мой! как хорошо! Неужели это я взял? как счастливо!» – подумал он.

О, как задрожала эта терция и как тронулось что-то лучшее, что было в душе Ростова. И это что-то было независимо от всего в мире и выше всего в

мире. Какие тут проигрыши, и Долоховы, и честное слово!.. Всё вздор! Можно зарезать, украсть и всё-таки быть счастливым...» (С. 418-419)

«Война и мир» (12+)

«Дядюшка, ни на кого не глядя, сдунул пыль, костлявыми пальцами стукнул по крышке гитары, настроил и поправился на кресле. Он взял (несколько театральным жестом, отставив локоть левой руки) гитару повыше шейки и, подмигнув Анисье Фёдоровне, начал не Барыню, а взял один звучный, чистый аккорд и мерно, спокойно, но твёрдо начал весьма тихим темпом отделявать известную песню «По у-ли-и-ице мостовой». Враз, в такт с тем степенным весельем (тем самым, которым дышало всё существо Анисьи Фёдоровны), запел в душе у Николая и Наташи мотив песни. Анисья Фёдоровна покраснела и, закрывшись платочком, смеясь вышла из комнаты. Дядюшка продолжал чисто, старательно и энергически твёрдо отделявать песню, изменившимся вдохновенным взглядом глядя на то место, с которого ушла Анисья Фёдоровна. Чуть-чуть что-то смеялось в его лице, с одной стороны под седым усом, особенно смеялось тогда, когда дальше расходилась песня, ускорялся темп и в местах переборов отрывалось что-то.

-Прелесть, прелесть, дядюшка! ещё, ещё! – закричала Наташа, как только он кончил. Она, вскочивши с места, обняла дядюшку и поцеловала его. – Николенька, Николенька! – говорила она, оглядываясь на брата и как бы спрашивая его: что же это такое?

Николаю тоже очень нравилась игра дядюшки. Дядюшка второй раз заиграл песню. Улыбающееся лицо Анисьи Фёдоровны явилось опять в дверях, и из-за ней ещё другие лица.

За холодной ключевой,

Кричит, девица, стой! –

играл дядюшка, сделал опять ловкий перебор, оторвал и шевельнул плечами.

- Ну, ну, голубчик, дядюшка, – таким умоляющим голосом застонала Наташа, как будто жизнь её зависела от этого. Дядюшка встал, и как будто в нём было два человека – один из них серьёзно улыбнулся над весельчаком, а весельчак сделал наивную и аккуратную выходку перед пляской.

- Ну, племянница! – крикнул дядюшка, взмахнув к Наташе рукой, оторвавшей аккорд.

Наташа сбросила с себя платок, который был накинута на ней, забежала вперёд дядюшки и, подперши руки в боки, сделала движение плечами и стала.

Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, – эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, – этот дух, откуда взяла она эти приёмы, которые *pas de châte* давно бы должны были вытеснить? Но дух и приёмы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от неё дядюшка. Как только она стала, улыбнулась торжественно, гордо и хитро-весело, первый страх,

который охватил было Николая и всех присутствующих, страх, что она не то сделает, прошёл, и они уже любовались ею». (С.624-625)

«Война и мир» (12+)

«Дядюшка сыграл ещё песню и вальс; потом, помолчав, прокашлялся и запел свою любимую охотничью песню:

Как со вечера пороша

Выпадала хороша...

Дядюшка пел так, как поёт народ, с тем полным и наивным убеждением, что в песне всё значение заключается только в словах, что напев сам собой приходит и что отдельного напева не бывает, а что напев – так только, для складу. От этого-то этот бессознательный напев, как бывает напев птицы, и у дядюшки был необыкновенно хорош. Наташа была в восторге от пения дядюшки. Она решила, что не будет больше учиться на арфе, а будет играть только на гитаре. Она попросила у дядюшки гитару и тотчас же подобрала аккорды к песне». (С. 626)

«Война и мир» (12+)

«Что делалось в этой детски восприимчивой душе, так жадно ловившей и усвоивавшей все разнообразнейшие впечатления жизни? Как это всё укладывалось в ней? Но она была очень счастлива. Уже подъезжая к дому, она вдруг запела мотив песни: «Как со вечера пороша», мотив, который она ловила всю дорогу и, наконец, поймала». (С. 627)

«Война и мир» (12+)

«На сцене были ровные доски посередине, с боков стояли крашенные картоны, изображавшие деревья, позади было протянуто полотно на досках. В середине сцены сидели девицы в красных корсажах и белых юбках. Одна, очень толстая, в шёлковом белом платье, сидела особо, на низкой скамеечке, к которой был приклеен сзади зелёный картон. Все они пели что-то. Когда они кончили свою песню, девица в белом подошла к будочке суфлера, и к ней подошёл мужчина в шёлковых в обтяжку панталонах на толстых ногах, с пером и кинжалом и стал петь и разводить руками.

Мужчина в обтянутых панталонах пропел один, потом пропела она. Потом оба замолкли, заиграла музыка, и мужчина стал перебирать пальцами руку девицы в белом платье, очевидно выжидая опять такта, чтобы начать свою партию вместе с нею. Они пропели вдвоём, и все в театре стали хлопать и кричать, а мужчина и женщина на сцене, которые изображали влюблённых, стали, улыбаясь и разводя руками, кланяться.

После деревни и в том серьёзном настроении, в котором находилась Наташа, всё это было дико и удивительно ей. Она не могла следить за ходом оперы, не могла даже слышать музыку: она видела только крашенные картоны и странно наряженных мужчин и женщин, при ярком свете странно двигавшихся, говоривших и певших; она знала, что всё это должно было

представлять, но всё это было так вычурно-фальшиво и ненатурально, что ей становилось то совестно за актёров, то смешно на них. Она оглядывалась вокруг себя, на лица зрителей, отыскивая в них то же чувство насмешки и недоумения, которое было в ней; но все лица были внимательны к тому, что происходило на сцене, и выражали притворное, как казалось Наташе, восхищение. «Должно быть, это так надобно!» – думала Наташа. Она попеременно оглядывалась то на эти ряды припомаженных голов в партере, то на оголённых женщин в ложах, в особенности на свою соседку Элен, которая, совершенно раздетая, с тихой и спокойной улыбкой, не спуская глаз, смотрела на сцену, ощущая яркий свет, разлитый по всей зале, и тёплый, толпою согретый воздух. Наташа мало-помалу начинала приходить в давно не испытанное ею состояние опьянения. Она не помнила, что она и где она и что перед ней делается. Она смотрела и думала, и самые странные мысли неожиданно, без связи, мелькали в её голове. То ей приходила мысль вскочить на рампу и пропеть ту арию, которую пела актриса, то ей хотелось зацепить веером недалеко от неё сидевшего старичка, то перегнуться к Элен и защекотать её». (С. 684-685)

«Война и мир» (12+)

«В третьем акте был на сцене представлен дворец, в котором горело много свечей и повешены были картины, изображавшие рыцарей с бородками. Впереди стояли, вероятно, царь и царица. Царь замахал правой рукой и, видимо робея, дурно пропел что-то и сел на малиновый трон. Девица, бывшая сначала в белом, потом в голубом, теперь была одета в одной рубашке, с распущенными волосами, и стояла около трона. Она о чём-то горестно пела, обращаясь к царице; но царь строго махнул рукой, и с боков вышли мужчины с голыми ногами и женщины с голыми ногами и стали танцевать все вместе. Потом скрипки заиграли очень тонко и весело. Одна из девиц, с голыми толстыми ногами и худыми руками, отделившись от других, отошла за кулисы, поправила корсаж, вышла на середину и стала прыгать и скоро бить одной ногой о другую. Все в партере захлопали руками и закричали браво. Потом один мужчина стал в угол. В оркестре заиграли громче в цимбалы и трубы, и один этот мужчина с голыми ногами стал прыгать очень высоко и семенить ногами. (Мужчина этот был Duport, получавший шестьдесят тысяч рублей серебром за это искусство.) Все в партере, в ложах и райке стали хлопать и кричать из всех сил, и мужчина остановился и стал улыбаться и кланяться на все стороны. Потом танцевали ещё другие, с голыми ногами, мужчины и женщины, потом опять один из царей закричал что-то под музыку, и все стали петь. Но вдруг сделалась буря, в оркестре послышались хроматические гаммы и аккорды уменьшенной септимы, и все побежали и потащили опять одного из присутствующих за кулисы, и занавесь опустилась. Опять между зрителями поднялся страшный шум и треск, и все с восторженными лицами стали кричать:

- Дюпора! Дюпора! Дюпора!

Наташа уже не находила этого странным. Она с удовольствием, радостно улыбаясь, смотрела вокруг себя.

- N'est ce pas qu'il est admirable – Duport? – сказала Элен, обращаясь к ней.

- Oh, oui, – отвечала Наташа». (С. 688-689)

«Война и мир» (12+)

Толстой, Л. Н. Два гусара / Л. Н. Толстой. – Текст : непосредственный // Толстой, Л. Н. Сборник / Л. Н. Толстой. – Москва : «Звонница-МГ», 2000. – С. 93-227. – (Библиотека мировой новеллы).

«Музыканты, дворовые люди предводителя, стоя в буфете, очищенном на случай бала, уже заворотив рукава сюртуков, по данному знаку заиграли старинный польский *«Александр, Елисавета»...*» (С. 105)

«Два гусара» (12+)

«Цыганки, разбредшиеся было по комнате, опять сели кружком. Граф посадил Стешку, запевалу, себе на колени и велел ещё подать шампанского.

Илюшка с гитарой стал перед запевалой, и началась пляска, то-есть цыганские песни: *«Хожу ль я по улице»*, *«Эй вы, гусары...»*, *«Слышишь, разумеешь...»* и т. д., в известном порядке. Стешка славно пела. Её гибкий, звучный, из самой груди выливавшийся контральто, её улыбки во время пенья, смеющиеся, страстные глазки и ножка, шевелившаяся невольно в такт песни, её отчаянное вскрикивание при начале хора, – всё это задевало за какую-то звонкую, но редко задеваемую струну. Видно было, что она вся жила только в той песне, которую пела. Илюшка, улыбкой, спиной, ногами, всем существом изображая сочувствие песне, аккомпанировал ей на гитаре и, впившись в неё глазами, как будто в первый раз слушая песню, внимательно, озабоченно, в такт песни наклонял и поднимал голову. Потом он вдруг выпрямлялся при последней певучей ноте и, как будто чувствуя себя выше всех в мире, гордо, решительно вскидывал ногой гитару, перевёртывал её, притопывал, встряхивал волосами и, нахмурившись, оглядывался на хор. Всё его тело от шеи до пяток начинало плясать каждой жилкой... И двадцать энергических, сильных голосов, каждый из всех сил стараясь страннее и необыкновеннее вторить один другому, переливались в воздухе. Старухи подпрыгивали на стульях, помахивая платочками и оскаливая зубы, вскрикивали в лад и в такт одна громче другой. Басы, склонив головы на бок и напружив шеи, гудели, стоя за стульями.

Когда Стеша выводила тонкие ноты, Илюшка подносил к ней ближе гитару, как будто желая помочь ей, а красивый молодой человек в восторге вскрикивал, что теперь бемоли пошли.

Когда заиграли плясовую и, дрожа плечами и грудью, прошлась Дуняша и, развернувшись перед графом, поплыла дальше, Турбин вскочил с места, скинул мундир и, оставшись в одной красной рубаше, лихо прошёлся с

нею в самый раз и такт, выделявая ногами такие штуки, что цыгане, одобрительно улыбаясь, переглядывались друг с другом». (С. 115-116)

«Два гусара» (12+)

«Глаза его как бы покрылись влагою, но он не шатался, плясал ещё лучше, говорил твёрдо и даже сам славно подпевал в хоре и вторил Стеше, когда она пела *«Дружбы нежное волнение»*. (С. 116)

«Два гусара» (12+)

Толстой, Л. Н. Детство / Л. Н. Толстой. – Москва : Дрофа, 2003. – 176 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы). – Текст : непосредственный.

«Мамап играла второй концерт Фильда – своего учителя. Я дремал, и в моём воображении возникали какие-то лёгкие, светлые и прозрачные воспоминания. Она заиграла патетическую сонату Бетховена, и я вспоминал что-то грустное, тяжёлое и мрачное. Мамап часто играла эти две пьесы; поэтому я очень хорошо помню чувство, которое они во мне возбуждали. Чувство это было похоже на воспоминание; но воспоминание чего? казалось, что вспоминаешь то, чего никогда не было». (С. 93)

«Детство» (12+)

Толстой, Л. Н. Отрочество. – Текст : непосредственный / Л. Н. Толстой // Толстой, Л. Н. Отрочество. Юность : Повести / Л. Н. Толстой. – Москва : Дрофа, 2003. – С. 5-86. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

«В зале, освещённой только одной лампой, Мими с Катенькой ходила взад и вперёд, а Любочка сидела за роялем и твердила второй концерт Фильда, любимую пьесу мамап.

Никогда ни в ком не встречал я такого семейного сходства, как между сестрой и матушкой. Сходство это заключалось не в лице, не в сложении, но в чём-то неуловимом: в руках, в манере ходить, в особенности в голосе в некоторых выражениях. Когда Любочка сердилась и говорила: «целый век не пускают», это слово целый век, которое имела тоже привычку говорить мамап, она выговаривала так, что, казалось, слышал её, как-то протяжно: *це-е-лый* век; но необыкновеннее всего было это сходство в игре её на фортепьяно и во всех приёмах при этом: она так же оправляла платье, так же поворачивала листы левой рукой сверху, так же с досады кулаком била по клавишам, когда долго не удавался трудный пассаж, и говорила: «ах, Бог мой!», и та же неуловимая нежность и отчётливость игры, той прекрасной фильдовской игры, так хорошо названной *jeu perlé* 1, прелести которой не могли заставить забыть все фокус-покусы новейших пьянистов.

Папа вошёл в комнату скорыми маленькими шажками и подошёл к Любочке, которая перестала играть, увидев его.

- Нет, играй, Люба, играй, – сказала он, усаживая её, – ты знаешь, как я люблю тебя слушать...

Любочка продолжала играть, а папа долго, облокотившись на руку, сидел против неё; потом, быстро подёрнув плечом, он встал и стал ходить по комнате. Подходя к роялю, он всякий раз останавливался и долго пристально смотрел на Любочку. По движениям и походке его я замечал, что он был в волнении. Пройдя несколько раз по зале, он, остановившись за стулом Любочки, поцеловал её в чёрную голову и потом, быстро поворотившись, опять продолжал свою прогулку. Когда, окончив пьесу, Любочка подошла к нему с вопросом: «Хорошо ли?», он молча взял её за голову и стал целовать в лоб и глаза с такою нежностью, какой я никогда не видывал от него.

- Ах, Бог мой! ты плачешь! – вдруг сказала Любочка, выпуская из рук цепочку его часов и уставляя на его лицо свои большие удивлённые глаза. – Прости меня, голубчик папа, я совсем забыла, что это мамашина пьеса.

- Нет, друг мой, играй почаще, – сказал он дрожащим от волнения голосом, – коли бы ты знала, как мне хорошо поплакать с тобой...» (С.72-73)

«Отрочество» (12+)

Толстой, Л. Н. Семейное счастье / Л. Н. Толстой. – Текст : непосредственный // Толстой, Л. Н. Собрание сочинений в 12 т. Т. 3. Повести и рассказы. 1857-1863гг. / Л. Н. Толстой. – Москва : Художественная литература, 1973. –С. 70-148.

«Из гостиной слышался писк Сони и его возня с нею. Я выслала ему чай; и слышно было, как он сел за фортепьяно и Сониными ручонками стал бить по клавишам.

- Марья Александровна! – послышался его голос. – Подите сюда, сыграйте что-нибудь.

Мне приятно было, что он так просто и дружески-повелительно обращается ко мне; я встала и подошла к нему.

- Вот это сыграйте, – сказал он, раскрывая тетрадь Бетховена на адажио сонаты quasi una fantasia. – Посмотрим, как-то вы играете, – прибавил он и отошёл с стаканом в угол залы.

Почему-то я почувствовала, что с ним мне невозможно отказываться и делать предисловия, что я дурно играю; я покорно села за клавикорды и начала играть, как умела, хотя и боялась суда, зная, что он понимает и любит музыку. Адажио было в тоне того чувства воспоминания, которое было вызвано разговором за чаем, и я сыграла, кажется, порядочно. Но скерцо он мне не дал играть. «Нет, это вы нехорошо играете, – сказал он, подходя ко мне, – это оставьте, а первое недурно. Вы, кажется, понимаете музыку». Эта умеренная похвала так обрадовала меня, что я даже покраснела. Мне так

ново и приятно было, что он, друг и равный моего отца, говорил со мной один на один серьёзно, а уже не как с ребёнком, как прежде». (С. 73-74)

«Семейное счастье» (12+)

«Я играла *сонату-фантазию Моцарта*, которую он привёз мне и которую я при нём и для него выучила. Я вовсе не думала о том, что играю, но, кажется, играла хорошо, и мне казалось, что ему нравится. Я чувствовала то наслаждение, которое он испытывал, и, не глядя на него, чувствовала взгляд, который сзади был устремлён на меня. Совершенно невольно, продолжая бессознательно шевелить пальцами, я оглянулась на него. Голова его отделялась на светлевшем фоне ночи. Он сам сидел, облокотившись головою на руки, и пристально смотрел на меня блестящими глазами. Я улыбнулась, увидев этот взгляд, и перестала играть. Он улыбнулся тоже и укоризненно покачал головою на ноты, чтоб я продолжала. Когда я кончила, месяц посветлел, поднялся высоко, и в комнату уже, кроме слабого света свеч, входил из окон другой, серебристый свет, падавший на пол. Катя сказала, что ни на что не похоже, как я остановилась на лучшем месте, и что я дурно играла; но он сказал, что, напротив, я никогда так хорошо не играла, как нынче, и стал ходить по комнатам, через залу в тёмную гостиную и опять в залу, всякий раз оглядываясь на меня и улыбаясь. И я улыбалась, мне даже смеяться хотелось без всякой причины, так я была рада чему-то, нынче только, сейчас случившемуся». (С. 90)

«Семейное счастье» (12+)

«Я совершенно бросила музыку с тех самых пор, как переехала в Петербург; но теперь старое фортепьяно, старые ноты снова приохотили меня.

Один день мне нездоровилось, я осталась одна дома; Катя и Соня поехали с ним вместе в Никольское смотреть новую постройку. Чайный стол был накрыт, я сошла вниз и, ожидая их, села за фортепьяно. Я открыла сонату *quasi una fantasia* и стала играть её. Никого не видно и не слышно было, окна были открыты в сад; и знакомые, грустно торжественные звуки раздавались в комнате. Я кончила первую часть и совершенно бессознательно, по старой привычке, оглянулась в тот угол, в котором он сидел, бывало, слушая меня. Но его не было; стул, давно сдвинутый, стоял в своём углу; а в окно виднелся куст сирени на светлом закате, и свежесть вечера вливалась в открытые окна. Я облокотилась на фортепьяно обеими руками, закрыла ими лицо и задумалась. Я долго сидела так, с болью вспоминая старое, невозвратимое и робко придумывая новое. Но впереди как будто уже ничего не было, как будто я ничего не желала и не надеялась. «Неужели я отжила!» – подумала я, с ужасом приподняла голову и, чтобы забыть и не думать, опять стала играть, и всё то же *andante*. «Боже мой! – подумала я, – прости меня, ежели я виновна, или возврати мне всё, что было так прекрасно в моей душе, или научи, что мне делать? как мне жить

теперь?» Шум колёс слышался по траве, и перед крыльцом, и на террасе слышались осторожные знакомые шаги и затихли. Но уже не прежнее чувство отозвалось на звук этих знакомых шагов. Когда я окончила, шаги слышались за мною, и рука легла на моё плечо.

- Какая ты умница, что сыграла эту сонату, – сказал он». (С. 139-140)

«Семейное счастье» (12+)

Толстой, Л. Н. Юность. – Текст : непосредственный / Л. Н. Толстой // Толстой, Л. Н. Отрочество. Юность : Повести / Л. Н. Толстой. – Москва : Дрофа, 2003. – С. 86-248. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

«Весной к нам в деревню приезжал рекомендоваться один сосед, молодой человек, который, как только вошёл в гостиную, всё смотрел на фортепьяно и незаметно подвигал к нему стул, разговаривая, между прочим, с Мими и Катенькой. Поговорив о погоде и приятностях деревенской жизни, он искусно навёл разговор на настройщика, на музыку, на фортепьяно и, наконец, объявил, что он играет, и очень скоро сыграл три вальса, причём Любочка, Мими и Катенька стояли около фортепьян и смотрели на него. Молодой человек этот после ни разу не был у нас, но мне очень нравилась его игра, поза за фортепьянами, встряхиванье волосами и особенно манера брать октавы левой рукой, быстро расправляя мизинец и большой палец на ширину октавы и потом медленно сводя их и снова быстро расправляя. Этот грациозный жест, небрежная поза, встряхиванье волосами и внимание, которое оказали наши дамы его таланту, дали мне мысль играть на фортепьяно. Вследствие этой мысли, убедившись, что я имею талант и страсть к музыке, я принялся учиться. В этом отношении я действовал так же, как миллионы мужского и особенно женского пола учащихся без хорошего учителя, без истинного призвания и без малейшего понятия о том, что может дать искусство и как нужно приняться за него, чтобы оно дало что-нибудь. Для меня музыка, или скорее игра на фортепьяно, была средство прельщать девиц своими чувствами. С помощью Катеньки выучившись нотам и выломав немного свои толстые пальцы, на что я, впрочем, употребил месяца два такого усердия, что даже за обедом на коленке и в постели на подушке я работал непокорным безымянным пальцем, я тотчас же принялся играть пьесы, и играл их, разумеется, с душой, *avec âme*, в чём соглашалась и Катенька, но совершенно без такта.

Выбор пьес был известный – вальсы, галопы, романсы (*arrangés*) и т. п., – всё тех милых композиторов, которых всякий человек с немного здравым вкусом отберёт вам в нотном магазине небольшую кипу из кучи прекрасных вещей и скажет: «Вот чего не надо играть, потому что хуже, безвкуснее и бессмысленнее этого никогда ничего не было писано на нотной бумаге», и которых, должно быть, именно поэтому, вы найдёте на фортепьянах у каждой русской барышни. Правда, у нас были и несчастные, навеки

изуродованные барышнями «Sonate Pathétique»¹ и Cis-moll-ная сонаты Бетховена, которые, в воспоминание маман, играла Любочка, и ещё другие хорошие вещи, которые ей задал её московский учитель, но были и сочинения этого учителя, нелепейшие марши и галопы, которые тоже играла Любочка. Мы же с Катенькой не любили серьёзных вещей, а предпочитали всему «*LeFou*» и «*Соловья*», которого Катенька играла так, что пальцев не было видно, и я уже начинал играть довольно громко и слитно. Я усвоил себе жест молодого человека и часто жалел о том, что некому из посторонних посмотреть, как я играю. Но скоро Лист и Калькбренер показали мне не по силам, и я увидел невозможность догнать Катеньку. Вследствие этого, вообразив себе, что классическая музыка легче, и отчасти для оригинальности, я решил вдруг, что я люблю учёную немецкую музыку, стал приходить в восторг, когда Любочка играла «*Sonate Pathétique*», несмотря на то, что по правде сказать, эта соната давно уже опротивела мне до крайности, сам стал играть Бетховена и выговаривать Бееетховен. Сквозь всю эту путаницу и притворство, как я теперь вспоминаю, во мне, однако, было что-то вроде таланта, потому что часто музыка делала на меня до слёз сильное впечатление, и те вещи, которые мне нравились, я кое-как умел сам без нот отыскивать на фортепьяно; так что, ежели бы тогда кто-нибудь научил меня смотреть на музыку, как на цель, как на самостоятельное наслаждение, а не на средство прельщать девиц быстротой и чувствительностью своей игры, может быть, я бы сделался действительно порядочным музыкантом».

(С. 184-186)

«Юность» (12+)

20. Тургенев Иван Сергеевич

Музыка играла важную роль в жизни и творчестве Ивана Сергеевича Тургенева. Она оказывала влияние на его взгляды, находила отражение в литературных произведениях и служила мощным средством для выражения эмоций, характеров и композиционных решений.

В произведениях И. С. Тургенева, музыка служит инструментом для передачи внутреннего мира персонажей. Она дополняет текст, раскрывает детали переживаний, усиливает лирические моменты и создаёт особую поэтическую атмосферу.

С помощью музыки писатель стремится показать скрытые черты души героев, их личные качества и музыкальные предпочтения. Иногда И. С. Тургенев приписывает героям свои собственные музыкальные вкусы.

Тургенев, И. Ася. – Текст : непосредственный / И. Тургенев // Тургенев, И. Отцы и дети : роман, повести, стихотворения в прозе /

И. Тургенев. – Москва :Эксмо, 2025. – С. 195-234с. – (Всемирная литература (с картинкой)).

«На другое утро (я уже проснулся, но ещё не вставал) стук палки раздался у меня под окном, и голос, который я тотчас признал за голос Гагина, запел:

*Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбуджу...» (С. 201)*

«Ася» (12+)

«На ней было старенькое платьице, волосы она зачесала за уши и сидела, не шевелясь, у окна да шила в пальцах, скромно, тихо, точно она век свой ничем другим не занималась. Она почти ничего не говорила, спокойно посматривала на свою работу, и черты её приняли такое незначительное, будничное выражение, что мне невольно вспомнились наши доморощенные Кати и Маши. Для довершения сходства она принялась напевать вполголоса *«Матушку, голубушку»*. (С. 206)

«Ася» (12+)

Тургенев, И. Вешние воды. – Текст : непосредственный / И. Тургенев // Тургенев, И. Отцы и дети : роман, повести, стихотворения в прозе / И. Тургенев. – Москва :Эксмо, 2025. – С. 289-406. – (Всемирная литература (с картинкой)).

*«Весёлые годы,
Счастливые дни –
Как вешние воды
Промчались они!
Из старинного романса» (С. 289)*

«Вешние воды» (12+)

«Когда речь коснулась русской музыки, его тотчас попросили спеть какую-нибудь русскую арию и указали на стоявшее в комнате крошечное фортепиано, с чёрными клавишами вместо белых и белыми вместо чёрных. Он повиновался без дальних околичностей и, аккомпанируя себе двумя пальцами правой и тремя (большим, средним и мизинцем) левой, – спел тоненьким носовым тенорком сперва *«Сарафан»*, потом *«По улице мостовой»*. Дамы похвалили его голос и музыку, но более восхищались мягкостью и звучностью русского языка и потребовали перевода текста. Санин исполнил их желание, но так как слова «Сарафана» и особенно «По улице мостовой» (*sur une rue pavée une jeune fille allait à l'eau* – он так передал смысл оригинала) – не могли внушить его слушательницам высокое понятие о русской поэзии, то он сперва продекламировал, потом перевёл, потом спел пушкинское: *«Я помню чудное мгновенье»*, положенное на музыку Глинкой,

минорные куплеты которого он слегка переврал. Тут дамы пришли в восторг – фрау Леноре даже открыла в русском языке удивительное сходство с итальянским. «Мгновенье» – «о, *viene*», «со мной» – «*siam noi*» и т. и. Даже имена: Пушкин (она выговаривала: Пуссекин) и Глинка звучали ей чем-то родным. Санин в свою очередь попросил дам что-нибудь спеть: они также не стали чиниться. Фрау Леноре села за фортепиано и вместе с Джеммой спела несколько дуэтино и «сторнелло». У матери был когда-то хороший контральт; голос дочери был несколько слаб, но приятен». (С. 298)

«Вешние воды» (12+)

«Вот был человек! – воскликнул он. – Никогда великий Гарсиа – „*il gran Garcia*“ – не унижался до того, чтобы петь, как теперешние теноришки – *tenor acci* – фальцетом: всё грудью, грудью, *voce di petto, si!*» Старик крепко постучал маленьким засохшим кулачком по собственному жабо! «И какой актёр! Вулкан, *signori miei*, вулкан, *un Vesuvio*! Я имел честь и счастье петь вместе с ним в опере *dell'illustrissimo maestro* Россини – в „*льеса*“! Гарсиа был Отелло – я был Яго – и когда он произносил эту фразу...»

Тут Панталеоне стал в позитуру и запел дрожащим и сиплым, но всё ещё патетическим голосом:

Li...ra da ver...so da ver...so il fato

Io più no... no... no... non temerò!

- «Театр трепетал, *signori miei*! но и я не отставал; и я тоже за ним:

Li...ra da ver...so da ver...so il fato

Temer più non dovrò!

- «И вдруг он — как молния, как тигр:

Morrò!.. ma vendicato...

- «Или вот ещё, когда он пел... когда он пел эту знаменитую арию из „*Matrimonio segreto*“: *Pria che spunti...* Тут он, *il gran Garcia*, после слов: *I cavalli di galoppo* – делал на словах: *Senza posa caccera* – послушайте, как это изумительно, *comè stupendo*! Тут он делал...» – Старик начал было какую-то необыкновенную фиоритуру – и на десятой ноте запнулся, закашлялся и, махнув рукою, отвернулся и пробормотал: «Зачем вы меня мучите?» Джемма тотчас же вскочила со стула и, громко хлопая в ладоши, с криком: «Браво!.. браво!» – подбежала к бедному отставному Яго и обеими руками ласково потрепала его по плечам». (С. 299-300)

«Вешние воды» (12+)

«Санин опустился на стул, как только тот вышел, и уставился на пол. «Что, мол, это такое? Как это вдруг так завертелась жизнь? Всё прошедшее, всё будущее вдруг стушеввалось, пропало – и осталось только то, что я во Франкфурте с кем-то за что-то дерусь». Вспомнилась ему одна его сумасшедшая тётушка, которая, бывало, всё подплясывала и напевала:

Подпоручик!

Мой огурчик!

Мой амурчик!

Пропляши со мной, голубчик!

И он захохотал и пропел, как она: «Подпоручик! пропляши со мной, голубчик!» (С. 320)

«Вешние воды» (12+)

Тургенев, И. С. Дворянское гнездо. – Текст : непосредственный / И. С. Тургенев // Тургенев, И. С. Романы / И. С. Тургенев. – Москва : Детская литература, 1975. – С. 141-285. – (Школьная библиотека).

«- Я не мог найти здесь увертюру «Оберона», – начал он. – Беленицына только хвасталась, что у ней вся классическая музыка, – на деле у ней, кроме полек и вальсов, ничего нет; но я уже написал в Москву, и через неделю вы будете иметь эту увертюру. Кстати, – продолжал он, – я написал вчера новый романс; слова тоже мои. Хотите, я вам спою? Не знаю, что из этого вышло; Беленицына нашла его премиленьким, но её слова ничего не значат, – я желаю знать ваше мнение. Впрочем, я думаю, лучше после.

- Зачем же после? – вмешалась Марья Дмитриевна, – отчего же не теперь?

- Слушаю-с, – промолвил Паншин с какой-то светлой и сладкой улыбкой, которая у него и появлялась и пропадала вдруг, – пододвинул коленом стул, сел за фортепьяно и, взявши несколько аккордов, запел, чётко отделяя слова, следующий романс:

Луна плывёт высоко над землею

Меж бледных туч;

Но движет с вышины волной морскою

Вошебный луч.

Моей души тебя признало море

Своей луной,

И движется – и в радости и в горе –

Тобой одной.

Тоской любви, тоской немых стремлений

Душа полна;

Мне тяжело... Но ты чужда смятений,

Как та луна.

Второй куплет был спет Паншиным с особенным выражением и силой; в бурном аккомпанементе слышались переливы волн. После слов: «Мне тяжело...» – он вздохнул слегка, опустил глаза и понизил голос –*morendo* 3. Когда он кончил, Лиза похвалила мотив, Марья Дмитриевна сказала: «Прелестно», а Гедеоновский даже крикнул: «Восхитительно! и поэзия, и гармония одинаково восхитительны!..» (С. 151)

«Дворянское гнездо» (12+)

Тургенев, И. С. Ермолай и мельничиха. – Текст : непосредственный / И. С. Тургенев // Тургенев, И. С. Записки охотника / И. С. Тургенев. – Москва : Художественная литература, 1984. – С. 11--19.

«Ермолай запел вполголоса:
Как к любезной я ходил,
Все сапожки обносил...» (С. 16)

«Ермолай и мельничиха» (12+)

Тургенев, И. С. Затишье / И. С. Тургенев. – Текст : непосредственный // Тургенев, И. С. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 6. Повести и рассказы. 1854-1860 / И. С. Тургенев. – Москва : Художественная литература, 1975. – С. 7-75.

«Название «Складная Душа», действительно, очень шло к Ивану Ильичу. В нём и следа не было того, что называется волей или характером. Всякий, кто только хотел, мог увести его с собой куда угодно; стоило только сказать ему: Иван Ильич, поедёте, – он брал шапку и ехал; а подвернись тут другой и скажи ему: Иван Ильич, останьтесь, – он клал шапку и оставался. Нрава он был миролюбивого и тихого, весь свой век прожил холостяком, в карты не играл, но любил сидеть возле играющих и глядеть им по очереди в лица. Без общества он жить не мог и уединения не переносил; он тогда впадал в уныние; впрочем, это с ним случалось очень редко. За ним водилась ещё одна особенность: встав рано поутру с постели, он вполголоса напевал старинный романс:

*В деревне некогда барон
Жил с деревенской простотою...*

Вследствие этой особенности Ивана Ильича его прозывали также щуром; известно, что щур в клетке поёт только раз в течение дня, рано поутру. Таков был Иван Ильич Бодряков». (С. 11)

«Затишье» (12+)

«- Ради бога, Маша, спой нам что-нибудь, пожалуйста... пожалуйста... Я от тебя не отстану, пока ты не споёшь нам что-нибудь, Маша, душка. Я бы сама спела, чтобы занять гостя, да ведь ты знаешь, какой у меня нехороший голос. Зато, посмотри, как я славно буду тебе аккомпанировать.

Марья Павловна помолчала.

- От тебя не отделаешься, – сказала она наконец. – Ты, как избалованное дитя, привыкла исполнять все свои прихоти. Изволь, я буду петь.

- Браво, браво, – воскликнула Надежда Алексеевна и захлопала в ладоши. – Господа, пойдёте в гостиную. А что касается до прихотей, – прибавила она смеясь, – это тебе припомнится. Можно ли при незнакомых

людях выставлять мои слабости? Егор Капитоныч, Матрёна Марковна так вас стыдит при чужих?

- Матрёна Марковна, – пробормотал Егор Капитоныч, – очень почтенная дама; только насчёт манер...

- Ну пойдёмте, пойдёмте, – перебила его Надежда Алексеевна и вошла в гостиную.

Все отправились вслед за ней. Она сбросила с себя шляпу и села за фортепьяно. Марья Павловна стала возле стены, довольно далеко от Надежды Алексеевны.

- Маша, – проговорила она, подумав немного, – спой нам «Хлопецее жито».

Марья Павловна запела. Голос у ней был чист и силен, и пела она хорошо – просто и без вычур. Все слушали её с большим вниманием, а Владимир Сергеич не мог скрыть своё изумление. Когда Марья Павловна кончила, он подошёл к ней и начал её уверять, что он никак не ожидал...

- Погодите, то ли ещё будет! – перебила его Надежда Алексеевна. – Маша, потешу я твою хохлацкую душу, спой нам теперь «Гомин-гомин по дуброви...»

- Разве вы малороска? – спросил её Владимир Сергеич.

- Я родом из Малороссии, – отвечала она и принялась петь «Гомин-гомин...»

Сначала она выговаривала слова равнодушно, но заунывно-страстный, родной напев расшевелил понемногу её самое, щёки её покраснели, взор заблестал, голос зазвучал горячо. Она кончила.

- Боже мой! как ты это хорошо спела, – проговорила Надежда Алексеевна, склонясь над клавишами». (С. 24-25)

«Затишье» (12+)

«- Какую бы теперь нам песню спеть? – проговорил Веретьев, перебирая струны гитары и, остановившись вдруг, глянул на Марию Павловну, сидевшую возле него. – Теперь, кажется, очередь за вами, — сказал он ей.

- Нет, пойте вы, – возразила Мария Павловна.

- Вот есть песня «Вниз по матушке по Волге», – промолвил с важностью Владимир Сергеич.

- Нет, эту мы к концу приберегаем, – отвечал Веретьев и, ударив по струнам, протяжно затянул: «Солнце на закате».

Он пел славно, бойко и весело. Его мужественное лицо, и без того выразительное, ещё более оживлялось, когда он пел; изредка подёргивал он плечами, внезапно прижимал струны ладонью, поднимал руку, встряхивал кудрями и соколом взглядывал кругом. Он в Москве не раз видал знаменитого Илью и подражал ему. Хор дружно ему подтягивал. Звучной струей отделялся голос Марии Павловны ото всех других голосов; он словно

вёл их за собою; но одна она петь не хотела, запевалой до конца остался Веретьев.

Много других ещё пели песен...» (С. 35)

«Затишье» (12+)

«- Сейчас, – воскликнул Веретьев, – ещё последнюю песню. Слушайте.

Ах вы, сени, мои сени,

Сени новые мои... – запел он громким голосом, проворно забив всей рукой по струнам гитары. «Сени новые, кленовые», – подхватил хор, как бы невольно увлечённый. Дождик почти в то же мгновение хлынул ручьями; но Веретьев допел «Мои сени» до конца. Изредка заглушаемая ударами грома, удалая песенка казалась ещё удалее под шумную дробь и журчанье дождя. Наконец раздался последний взрыв хора – и всё общество с хохотом вбежало в гостиную. Особенно громко смеялись девочки, дочери Ипатова, стряхивая с своих платьев дождевые брызги. Ипатов, однако же, для предосторожности, закрыл окно и запер дверь, и Егор Капитоныч его похвалил, заметив, что Матрёна Марковна также всегда, во время грозы, всё приказывает запереть для того, что электричество способнее действует в пустом промежутке. Бодряков посмотрел ему в лицо, посторонился и уронил стул. Подобные маленькие несчастья случались с ним беспрестанно». (С. 35-36)

«Затишье» (12+)

Тургенев, И. С. Несчастная / И. С. Тургенев. – Текст : непосредственный // Тургенев, И. С. Собрание сочинений в 12 т. Т. 7. Повести и рассказы. 1863-1870 / И. С. Тургенев. – Москва : Художественная литература, 1978. – С. 116-193.

«Я уже сказал, что Фустов отлично играл на цитре, но на меня этот инструмент постоянно производил впечатление самое тягостное. Мне всегда чудилось и чудится доселе, что в цитре заключена душа дряхлого жидаростовщика и что она гнусливо ноет и плачется на безжалостного виртуоза, заставляющего её издавать звуки. Игра г. Ратча также не могла доставить мне удовольствие; к тому ж его внезапно побагровевшее лицо со злобно вращавшимися белыми глазами приняло зловещее выражение: точно он собирался убить кого-то своим фаготом и заранее ругался и грозил, выпуская одну за другою удушенно-хриплые, грубые ноты». (С. 125)

«Несчастная» (12+)

«Между тем дуэт кончился. Фустов встал и, нерешительными шагами приблизившись к окну, возле которого мы сидели с Сусанной, спросил ее, получила ли она от Ленгольда ноты, которые тот обещался выписать из Петербурга.

- *Попурри из «Роберта-Дьявола»,* – прибавил он, обращаясь ко мне, – из той новой оперы, о которой теперь все так кричат.

- Нет, не получила, – отвечала Сусанна и, повернувшись лицом к окну, поспешно прошептала: – Пожалуйста, Александр Давыдыч, прошу вас, не заставляйте меня играть сегодня! Я совсем не расположена.

- Что такое? «Роберт-Дьявол» Мейербера! – возопил подошедший к нам Иван Демьяныч, – пари держу, что вещь отличная!» (С. 126-127)

«Несчастливая» (12+)

«Я не ожидал, что она вернётся; но она скоро появилась снова: даже платья не переменила и, присев в угол, раза два внимательно посмотрела на меня. Почувствовала ли она в моём обращении с нею то невольное, мне самому неизъяснимое уважение, которое, больше чем любопытство, больше даже чем участие, она во мне возбуждала, находилась ли она в тот день в смягчённом расположении духа, только она вдруг подошла к фортепиано и, нерешительно положив руку на клавиши и склонив немного голову через плечо назад ко мне, спросила меня, что я хочу, чтоб она сыграла? Я не успел ещё ответить, как она уже села, достала ноты, торопливо их развернула и начала играть. Я с детства любил музыку, но в то время я ещё плохо понимал её, мало был знаком с произведениями великих мастеров, и если бы г. Ратч не проворчал с некоторым неудовольствием: «Aha, wiederdieser Beethoven!» [А, опять этот Бетховен! (нем.)], я бы не догадался, что именно выбрала Сусанна. Это была, как я потом узнал, знаменитая *Ф-мольная соната, opus 57*. Игра Сусанны меня поразила несказанно: я не ожидал такой силы, такого огня, такого смелого размаха. С самых первых тактов стремительно-страстного *allegro*, начала сонаты, я почувствовал то оцепенение, тот холод и сладкий ужас восторга, которые мгновенно охватывают душу, когда в неё неожиданным налетом вторгается красота. Я не пошевелился ни одним членом до самого конца; я всё хотел и не смел вздохнуть. Мне пришлось сидеть сзади Сусанны, её лица я не мог видеть; я видел только, как её тёмные длинные волосы изредка прыгали и бились по плечам, как порывисто покачивался её стан и как её тонкие руки и обнажённые локти двигались быстро и несколько угловато. Последние отзвучия замерли. Я вздохнул наконец. Сусанна продолжала сидеть перед фортепиано». (С. 133-134)

«Несчастливая» (12+)

Тургенев, И. С. Отцы и дети / И. С. Тургенев. – Текст : непосредственный // Тургенев, И. С. Отцы и дети : роман, повести, стихотворения в прозе / И. С. Тургенев.– Москва : Эксмо, 2025. – С. 17-218. – (Школьная хрестоматия).

«Медлительные звуки виолончели долетели до них из дому в это самое мгновение. Кто-то играл с чувством, хотя и неопытною рукою «Ожидание» Шуберта, и мёдом разливалась по воздуху сладостная мелодия.

- Это что? – произнёс с изумлением Базаров.

- Это отец.

- Твой отец играет на виолончели?

- Да.

- Да сколько твоему отцу лет?

- Сорок четыре.

Базаров вдруг расхохотался.

- Чему же ты смеёшься?

- Помилуй! в сорок четыре года человек, *pater familias* {отец семейства (лат.)}, в ...м уезде – играет на виолончели!» (С. 39)

«Отцы и дети»(12+)

«Дело дошло, наконец, до того, что Евдоксия, вся красная от выпитого вина и стуча плоскими ногтями по клавишам расстроенного фортепьяно, принялась петь сиплым голосом сперва цыганские песни, потом романс Сеймур-Шиффа *«Дремлет сонная Гранада»*, а Ситников повязал голову шарфом и представлял замиравшего любовника при словах:

И уста твои с моими

В поцелуй горячий слить». (С. 60-61)

«Отцы и дети»(12+)

«Катя неохотно приблизилась к фортепьяно; и Аркадий, хотя точно любил музыку, неохотно пошёл за ней: ему казалось, что Одинцова его отсылает, а у него на сердце, как у всякого молодого человека в его годы, уже накопало какое-то смутное и томительное ощущение, похожее на предчувствие любви. Катя подняла крышку фортепьяно и, не глядя на Аркадия, промолвила вполголоса:

- Что же вам сыграть?

- Что хотите, – равнодушно ответил Аркадий.

- Вы какую музыку больше любите? – повторила Катя, не переменив положения.

- Классическую, – тем же голосом ответил Аркадий.

- Моцарта любите?

- Моцарта люблю.

Катя достала це-мольную *сонату-фантазию Моцарта*. Она играла очень хорошо, хотя немного строго и сухо. Не отводя глаз от нот и крепко стиснув губы, сидела она неподвижно и прямо, и только к концу сонаты лицо её разгорелось и маленькая прядь развившихся волос упала на тёмную бровь.

Аркадия в особенности поразила последняя часть сонаты, та часть, в которой, посреди пленительной весёлости беспечного напева, внезапно возникают порывы такой горестной, почти трагической скорби... Но мысли, возбуждённые в нём звуками Моцарта, относились не к Кате. Глядя на неё, он только подумал: «А ведь недурно играет эта барышня, и сама она недурна».

Кончив сонату, Катя, не принимая рук с клавишей, спросила: «Довольно?» Аркадий объявил, что не смеет утруждать её более, и заговорил

с ней о Моцарте; спросил её – сама ли она выбрала эту сонату, или кто ей её отрекомендовал? Но Катя отвечала ему односложно: она спряталась, ушла в себя. Когда это с ней случалось, она нескоро выходила наружу; самое её лицо принимало тогда выражение упрямое, почти тупое. Она была не то что робка, а недоверчива и немного запугана воспитавшею её сестрой, чего, разумеется, та и не подозревала». (С. 73-74)

«Отцы и дети»(12+)

Тургенев, И. С. Певцы / И. С. Тургенев. – Текст : непосредственный // Тургенев, И. С. Записки охотника. – Москва : Художественная литература, 1984. – С. 145-158.

«Итак, рядчик выступил вперёд, закрыл до половины глаза и запел высочайшим фальцетом. Голос у него был довольно приятный и сладкий, хотя несколько сиплый; он играл и вилял этим голосом, как юлою, беспрестанно заливался и переливался сверху вниз и беспрестанно возвращался к верхним нотам, которые выдерживал и вытягивал с особенным старанием, умолкал и потом вдруг подхватывал прежний напев с какой-то залихватской, заносистой удалью. Его переходы были иногда довольно смелы, иногда довольно забавны: знатоку они бы много доставили удовольствия; немец пришёл бы от них в негодование. Это был русский *tenore di grazia*, *ténor léger*. Пел он весёлую, плясовую песню, слова которой, сколько я мог уловить сквозь бесконечные украшения, прибавленные согласные и восклицания, были следующие:

Распашу я, молода-молоденька,

Землицы маленько;

посею, молода-молоденька,

Цветика аленька.

Он пел; все слушали его с большим вниманием. Он, видимо, чувствовал, что имеет дело с людьми сведущими, и потому, как говорится, просто лез из кожи. Действительно, в наших краях знают толк в пении, и недаром село Сергиевское, на большой орловской дороге, славится во всей России своим особенно приятным и согласным напевом. Долго рядчик пел, не возбуждая слишком сильного сочувствия в своих слушателях; ему недоставало поддержки, хора; наконец, при одном особенно удачном переходе, заставившем улыбнуться самого Дикого-Барина, Обалдуй не выдержал и вскрикнул от удовольствия. Все восторженились. Обалдуй с Моргачем начали вполголоса подхватывать, подтягивать, покрикивать: «Лихо!.. Забирай, шельмец!.. Забирай, вытягивай, аспид! Вытягивай ещё! Накаливай ещё, собака ты этакая, пёс!.. Погуби Ирод твою душу!» и пр. Николай Иваныч из-за стойки одобрительно закачал головой направо и налево. Обалдуй, наконец, затопал, засеменил ногами и задёргал плечиком, а у Якова глаза так и разгорелись, как уголья, и он весь дрожал как лист и беспорядочно улыбался. Один Дикий-Барин не изменился в лице и по-

прежнему не двигался с места; но взгляд его, устремлённый на рядчика, несколько смягчился, хотя выражение губ оставалось презрительным. Ободрённый знаками всеобщего удовольствия, рядчик совсем завихрился, и уж такие начал отделивать завитушки, так защёлкал и забарабанил языком, так неистово заиграл горлом, что, когда, наконец, утомлённый, бледный и облитый горячим потом, он пустил, перекинувшись назад всем телом, последний замирающий возглас, – общий, слитный крик ответил ему неистовым взрывом. Обалдуй бросился ему на шею и начал душить его своими длинными, костлявыми руками; на жирном лице Николая Иваныча выступила краска, и он словно помолодел; Яков, как сумасшедший, закричал: «Молодец, молодец!» Даже мой сосед, мужик в изорванной свите, не вытерпел и, ударив кулаком по столу, воскликнул: «Ага! хорошо, чёрт побери, хорошо!» – и с решительностью плюнул в сторону». (С. 153-154)

«Певцы» (12+)

«Яков помолчал, взглянул кругом и закрылся рукой. Все так и впились в него глазами, особенно рядчик, у которого на лице, сквозь обычную самоуверенность и торжество успеха, проступило невольное, лёгкое беспокойство. Он прислонился к стене и опять положил под себя обе руки, но уже не болтал ногами. Когда же, наконец, Яков открыл своё лицо – оно было бледно, как у мёртвого; глаза едва мерцали сквозь опущенные ресницы. Он глубоко вздохнул и запел... Первый звук его голоса был слаб и неровен и, казалось, не выходил из его груди, но принёсся откуда-то издалека, словно залетел случайно в комнату. Странно подействовал этот трепещущий, звенящий звук на всех нас; мы взглянули друг на друга, а жена Николая Иваныча так и выпрямилась. За этим первым звуком последовал другой, более твёрдый и протяжный, но всё ещё видимо дрожащий, как струна, когда, внезапно прозвеневав под сильным пальцем, она колеблется последним, быстро замирающим колебанием, за вторым – третий, и, понемногу разгораясь и расширяясь, полилась заунывная песня. *«Не одна во поле дороженька пролежала»*, – пел он, и всем нам сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос: он был слегка разбит и звенел, как надтреснутый; он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нём была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нём и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. Песнь росла, разливалась. Яковом, видимо, овладевало упоение: он уже не робел, он отдавался весь своему счастью; голос его не трепетал более – он дрожал, по той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя, и беспрестанно крепчал, твердел и расширялся. Помнится, я видел однажды, вечером, во время отлива, на плоском песчаном берегу моря, грозно и тяжело шумевшего вдаль, большую белую чайку: она сидела неподвижно, подставив шелковистую грудь алому сиянию зари, и только изредка медленно

расширяла свои длинные крылья навстречу знакомому морю, навстречу низкому, багровому солнцу: я вспомнил о ней, слушая Якова. Он пел, совершенно позабыв и своего соперника, и всех нас, но, видимо, поднимаемый, как бодрый пловец волнами, нашим молчаливым, страстным участием. Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слёзы; глухие, сдержанные рыдания внезапно поразили меня... Я оглянулся— жена целовальника плакала, припав грудью к окну. Яков бросил на неё быстрый взгляд и залился ещё звонче, ещё слаще прежнего; Николай Иваныч потупился, Моргач отвернулся; Обалдуй, весь разнеженный, стоял, глупо разинув рот; серый мужичок тихонько всхлипывал в уголку, с горьким шёпотом покачивая головой; и по железному лицу Дикого-Барина, из-под совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжёлая слеза; рядчик поднёс сжатый кулак ко лбу и не шевелился... Не знаю, чем бы разрешилось всеобщее томленье, если б Яков вдруг не кончил на высоком, необыкновенно тонком звуке — словно голос у него оборвался. Никто не крикнул, даже не шевельнулся; все как будто ждали, не будет ли он ещё петь; но он раскрыл глаза, словно удивлённый нашим молчаньем, вопрошающим взором обвёл всех кругом и увидал, что победа была его...» (С. 155-156)

«Певцы» (12+)

21. Чехов Антон Павлович

В студенческие годы Антон Павлович Чехов устраивал музыкальные вечера, погружаясь в мир итальянской оперы. Позже он полюбил слушать классическую музыку. Особенно, А. П. Чехов любил слушать игру на фортепьяно в исполнении своего брата Николая.

Музыка служила для писателя источником творческого вдохновения, во многих его произведениях звучат музыкальные произведения,

Чехов, А. П. Моя жизнь/ А. П. Чехов. – Текст : непосредственный // Чехов, А. П. Избранные сочинения в 2 т. Т. 2. / А. П. Чехов. – Москва : Художественная литература, 1973. –С. 134-208.– (Библиотека классики).

«Доктор стоя тронул клавиши фортепиано, и оно ответило ему слабо, дрожащим, сиплым, но ещё стройным аккордом; он попробовал голос и запел какой-то романс, морщась и нетерпеливо стуча ногой, когда какой-нибудь клавиш оказывался немым». (С. 151)

«Моя жизнь» (12+)

Чехов, А. П. Рассказ неизвестного человека / А. П. Чехов. – Текст : непосредственный //Чехов, А. П. Собрание сочинений в 2 т.. Т. 1. Рассказы и повести / А. П. Чехов. – Москва : Полиграфресурсы, 1999. – С.173-248.

«Он немножко играл на рояле. Бывало, сядет за рояль, возьмёт два-три аккорда и запоёт тихо:

Что день грядущий мне готовит?

но тотчас же, точно испугавшись, встанет и уйдёт подальше от рояля».
(С. 182)

«Рассказ неизвестного человека» (12+)

«В гостиной заиграла на рояле Зинаида Фёдоровна, стараясь вспомнить пьесу Сен-Санса, которую играл Грузин». (С. 225)

«Рассказ неизвестного человека» (12+)

22. Шолохов Михаил Александрович

Музыка оказала значительное влияние на творчество Михаила Александровича Шолохова, что особенно ярко проявилось в его романе-эпопее «Тихий Дон». Писатель тщательно изучал казачий фольклор и использовал песни для раскрытия характеров персонажей, передачи атмосферы времени и особенностей жизни донских казаков.

Таким образом, музыка и фольклор стали важными элементами художественного мира романа «Тихого Дона», придавая ему народный колорит и глубину.

Шолохов, М. Тихий Дон : Роман в 2 т. Т. 1. Книга 1 и 2 / М. Шолохов. – Москва : ООО «Издательство Астрель+ : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 733 с. – (Библиотека школьника). – Текст : непосредственный.

«А вечерами в опаловой июньской темени в поле у огня:

Поехал казак на чужбину далёку

На добром своём коне вороном,

Свою он краину навеки покинул...

Убивается серебряный тенорок, и басы стелют бархатную густую печаль:

Ему не вернуться в отеческий дом.

Тенор берёт ступенчатую высоту, хватает за самое оголённое:

Напрасно казачка его молодая

Всё утро и вечер на север смотрит.

Все ждёт она, поджидает – с далёкого края,

Когда ж её милый казак-душа прилетит.

И многие голоса хлопочут над песней. Оттого и густа она, и хмельна, как полесская брага.

А там, за горами, где вьются метели,

Зимою морозы лютые трещат,

Где сдвинулись грозно и сосны и ели,

Казачьи кости под снегом лежат.

Рассказывают голоса нехитрую повесть казачьей жизни, и тенор-подголосок трепещет жаворонком над апрельской талой землей:

Казак, умирая, просил и молил

Насыпать курган ему большой в головах.

Вместе с ним тоскуют басы:

Пуцай на том на кургане калина родная

Растёт и красуется в ярких цветах.

У другого огня – реже народу и песня иная:

Ах, с моря буйного да с Азовского

Корабли на Дон плывут.

Возвращается домой

Атаман молодой». (С. 258-259)

«Тихий Дон» (12+)

«Уже с каким-то ожесточением Лиховидов выл:

Вот гремит слава трубой.

Мы за Дунаем-рекой

Турк-салтана победили,

Христиан освободили.

Мы по горочкам летали

Наподобье саранчи.

Из берданочков стреляли

Все донские казачки.

Как курей, ваших индюшек

Перведём всех до пера.

А детей ваших, марушек

Заберём всех во плёнá». (С. 405)

«Тихий Дон» (12+)

«При огне веселее подняли песню:

Конь боевой с походным вьюком

У церкви ржёт, когой-то ждёт.

В ограде бабка плачет с внуком.

Жена-молодка слёзы льёт.

А из дверей святого храма

*Казак в доспехах боевых идёт,
Жена коня ему подводит,
Племянник пику подаёт...*

В соседнем вагоне двухрядка, хрипя мехами, резала «казачка». По дощатому полу безжалостно цокотали каблуки казённых сапог, кто-то дурным голосом вякал, голосил:

*Эх вы, горьки хлопоты,
Тесны царски хомуты!
Казаченькам выи трутъ –
Ни вздохнуть, ни воздохнуть.
Пугачев по Дону кличет,
По низовьям голи зычет:
«Атаманы, казаки!..»*

Второй, заливая голос первого, верещал несуразно тонкой скороговоркой:

*Царю верой-правдой служим,
По своим жалмеркам тужим.
Баб найдём – тужить не будем.
А царю... полудим.
Ой, сыпь! Ой, жги!..
У-ух! Ух! Ух! Ха!
Ха-ха-хи-хо-ху-ха-ха!» (С. 449)*

«Тихий Дон» (12+)

«Кто-то в передних рядах, откашлявшись, завёл:

*Ехали казаченки да со службы домой,
На плечах погоники, на грудях кресты.*

Отсыревшие голоса вяло потянули песню и замолкли. Захар Королёв, ехавший в одном ряду с Иваном Алексеевичем, приподнялся на стременах, закричал насмешливо:

- Эй, вы – старцы слепые! Рази же так по-нашему играют? Вам под церковой с кружкой побираться, «Лазаря» играть. Песельники...

- А ну, заведи!

- Шея у него короткая, голосу негде помещаться.

- Нахвалился, а теперя хвост на сторону?

Королёв зажал в кулаке чёрный слиток завшивевшей бороды, на минуту закрыл глаза и, отчаянно махнув поводьями, кинул первые слова:

Ой, да возвеселитесь, храбрые донцы-казаки...

Сотня, словно разбуженная его напевным вскриком, рывкнула:

Честь и славою своей!

- и понесла над мокрым лесом, над просекой-дорогой:

*Ой, да покажите всем друзьям пример,
Как мы из ружей бьём своих врагов!
Бьём, не портим боевой порядок.
Только слушаем один да приказ.
И что нам прикажут отцы-командиры,
Мы туда идём – рубим, колем, бьём!*

Весь переход шли с песнями, радуясь, что вырвались из «волчьего кладбища». (С. 490-481)

«Тихий Дон» (12+)

«В хвосте эшелона молодой казачий голос пел, жаловался в темноте неведомо кому:

*Прощай ты, город и местечко,
Прощай, родимый хуторок!
Прощай ты, девка молодая,
Ой, да прощай, лазоревый цветок!
Бывало, от зари до зорьки
Лежал у милки да на руке,
А и эх, теперя от зари до зорьки
Стою с винтовкою в руке...» (С. 506-507)*

«Тихий Дон» (12+)

Шолохов, М. Тихий Дон : Роман в 2 т. Т. 2 / М. Шолохов. – Москва : Дрофа, 2003. – 784 с. – (Библиотека отечественной художественной литературы). – Текст : непосредственный.

«И вдруг впереди, над притихшей степью, как птица взлетел мужественный грубоватый голос запевалы:

*Ой, как на речке было, братцы, на Камышинке,
На славных степях, на саратовских...*

И многие сотни голосов мощно подняли старинную казачью песню, и выше всех всплеснулся изумительной силы и красоты тенор подголоска. Покрывая стихающие басы, ещё трепетал где-то в темноте звенящий, хватающий за сердце тенор, а запевала уже выводил:

Там жили, проживали казаки – люди вольные,

Все донские, гребенские да яицкие...

Словно что-то оборвалось внутри Григория... Внезапно нахлынувшие рыдания потрясли его тело, спазма перехватила горло. Глотая слёзы, он жадно ждал, когда запевала начнёт, и беззвучно шептал вслед за ним знакомые с отроческих лет слова:

*Атаман у них – Ермак, сын Тимофеевич,
Есаул у них – Асташка, сын Лаврентьевич...*

Как только зазвучала песня, – разом смолкли голоса разговаривавших на повозках казаков, утихли понукания, и тысячный обоз двигался в глубоком, чутком молчании; лишь стук колёс да чавканье месящих грязь конских копыт слышались в те минуты, когда запевала, старательно выговаривая, выводил начальные слова. Над чёрной степью жила и властвовала одна старая, пережившая века песня. Она бесхитростными, простыми словами рассказывала о вольных казачьих предках, некогда бесстрашно громивших царские рати; ходивших по Дону и Волге на лёгких воровских стругах; грабивших орлёные царские корабли; «щупавших» купцов, бояр и воевод; покорявших далёкую Сибирь... И в угрюмом молчании слушали могучую песню потомки вольных казаков, позорно отступавшие, разбитые в бесславной войне против русского народа...

Полк прошёл. Песенники, обогнав обоз, уехали далеко. Но ещё долго в очарованном молчании двигался обоз, и на повозках не слышалось ни говора, ни окрика на уставших лошадей. А из темноты издалека плыла, ширилась просторная, как Дон в половодье, песня:

*Они думали все думушку единую:
Уж как лето проходит, лето тёплое,
А зима застаёт, братцы, холодная.
Как и где-то нам, братцы, зимовать будет?
На Яик нам идтить, – переход велик,
А на Волге ходить нам, – все ворами слыть,
Под Казань-град идтить, – да там царь стоит,
Как грозной-то царь, Иван Васильевич...*

Уж и песенников не стало слышно, а подголосок звенел, падал и снова взлетал. За ним следили всё с тем же напряжённым и мрачным молчанием». (С. 585-586)

«Тихий Дон» (12+)

«Они мирно, в обнимку, сели на песке, и Чумаков глухим, но приятным баском в быстром темпе завёл плясовую:

*Ой, вы, морозы! Ой, вы, морозы!
Вы, морозы крещенские, лютые,
Сморозили сера волка в камыше,
Зазнобили девчоночку в тереме...*

Стерлядников подхватил песню тоненьким тенорком, и они запели согласно и неожиданно хорошо:

*Выходила девчоночка на крыльцо,
Выносила чёрну шубку на руке,
Одевала урядничка на коне...*

Стерлядников не выдержал: он вскочил и, прищёлкивая пальцами, загребая песок хромой ногой, пустился в пляс. Не прерывая песни, Чумаков взял пашку, вырыл в песке неглубокую ямку и тогда сказал:

- Погоди, чёрт хромой! У тебя же одна ножка короче, тебе на ровном месте плясать неспособно... Тебе надо либо на косогоре плясать, либо так, чтобы одна нога, какая длинней, была в ямке, а другая наруже. Становись длинной ногой в ямку и ходи, поглядишь, как оно расхорошо получится... Ну, начали!..

Стерлядников вытер пот со лба, послушно ступал здоровой ногой в вырытое Чумаковым углубление.

- А ить верно, так мне ловчее, – сказал он.

Задыхаясь от смеха, Чумаков хлопнул в ладоши, скороговоркой запел:

*Будешь ехать – заезжай, милый, ко мне,
Как заедешь – расцелую я тебя...*

И Стерлядников, сохраняя на лице присущее всем плясунам серьёзное выражение, начал ловко приплясывать и попробовал даже пройти на присядку...» (С. 722-723)

«Тихий Дон» (12+)

Список литературы

Астафьев, В. П. Последний поклон / В. П. Астафьев. – Екатеринбург : У-Фактория, 2003. – 720 с.

Бажов, П. П. Каменный цветок. Текст : непосредственный / П. П. Бажов // Бажов, П. П. Малахитовая шкатулка / П. П. Бажов. – Москва : Просвещение, 1085. – 303. – (Школьная библиотека).

Белых, Г. Республика ШКИД : повесть / Г. Белых, Л. Пантелеев. – Москва : Детская литература, 2025. – 445 с. – (Школьная библиотека). – Текст : непосредственный.

Булгаков, М. Мастер и Маргарита : Роман / М. Булгаков. – Москва : ООО «Издательство АСТ», 2001. – 448 с. – (Мастера. Классика). – Текст : непосредственный.

Булгаков, М. Собачье сердце : Повести и рассказы / М. Булгаков. – Москва : Издательство Фолио, 2001. – 322 с. – (Мастера).

Бунин, И. А. Чистый понедельник / И. А. Бунин. – Москва : Детская литература, 2005. – 381 с. – (Школьная библиотека).

Бунин, И. А. Жизнь Арсеньева. Тёмные аллеи / И. А. Бунин. – Москва : Дрофа, 2003. – 512 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

Бунин, И. Первая любовь : Повести и рассказы. 1892-1909 / И. Бунин. – Москва : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 425 с. – (Классическая проза).

Бунин, И. А. Чистый понедельник / И. А. Бунин. – Москва : Детская литература, 2005. – 381 с. – (Школьная библиотека).

Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки : Повести, изданные пасичником Рудым Паньком / Н. В. Гоголь. – Москва : Детская литература, 2000. – 300 с. – (Школьная библиотека).

Гончаров, И. А. Обломов / И. А. Гончаров. – Москва : Издательство Эксмо, 2003. – 640 с. – (Русская классика). – Текст : непосредственный.

Гончаров, И. А. Обрыв : роман / И. А. Гончаров. – Москва : Издательство «Правда», 1984. – 736 с. – Текст : непосредственный.

Горький, М. На дне. Дачники : Пьесы / М. Горький. – Москва : Детская литература, 2005. – 220 с. – (Школьная библиотека).

Достоевский, Ф. М. Белые ночи : Сентиментальный роман (Из воспоминаний мечтателя) / Ф. М. Достоевский. – Москва : Детская литература, 2002. – 95 с. – (Школьная библиотека), – Текст : непосредственный.

Достоевский, Ф. М. Дядюшкин сон; Село Степанчиково и его обитатели; Скверный анекдот; Зимние заметки о летних впечатлениях / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Лениздат, 1982. – 443 с.

Ильф, И. А. Двенадцать стульев / И. А. Ильф, Е. П. Петров. – Москва : НФ «Пушкинская библиотека» ; Вагриус, 2004. – 382 с. – (Внеклассное чтение). – Текст : непосредственный.

Короленко, В. Г. Рассказы и повести / В. Г. Короленко. – Москва : «Издательство «Олимп», «Издательство Астрель», «Издательство АСТ», 2000. – 256 с. – (Школьная хрестоматия).

Куприн, А. Гранатовый браслет : Повести. / А. Куприн – Москва : Эксмо, 2019. – 432 с. – (Всемирная литература).

Лесков, Н. Леди Макбет Мценского уезда : Повести и рассказы. – Москва : Эксмо, 2007. – 640 с. – (Русская классика).

Лесков, Н. С. Повести. Рассказы / Н. С. Лесков. – Москва : Дрофа, 2003. 447 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

Нагибин, Ю. Переулки моего детства / Ю. Нагибин. – Москва : Современник, 1971. – 414 с.

Островский, А. Драматургия / А. Островский. – Москва : ООО «Издательство «Олимп» : ООО «Издательство «АСТ», 2002. – 240 с. – (Школьная хрестоматия).

Пушкин, А. С. Дубровский. Капитанская дочка. Повести Белкина / А. С. Пушкин. – Москва : Издательство ЭКСМО-Пресс, 2001. – 336 с. – (Библиотека школьника).

Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин. – Москва : Дрофа, 2004. – 240 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы). – Текст : непосредственный.

Рекемчук, А. Е. Мальчики / А. Е. Рекемчук. – Москва : ЭНАС-КНИГА, 2015. – 280 с. – (Куда уходит детство). – Текст : непосредственный.

Твардовский, А. Василий Тёркин. Книга про бойца / А. Твардовский. – Москва : Художественная литература, 1976. – 219 с. – Текст : непосредственный.

Толстой, Л. Н. Сборник / Л. Н. Толстой. – Москва : «Звонница-МГ», 2000. – 384 с. – (Библиотека мировой новеллы).

Толстой, Л. Война и мир : Роман в четырёх томах. Т. I-II / Л. Толстой. – Москва : Издательство Эксмо, 2003. – 736 с. – (Русская классика). – Текст : непосредственный.

Толстой, Л. Н. Детство / Л. Н. Толстой. – Москва : Дрофа, 2003. – 176 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы). – Текст : непосредственный.

Толстой, Л. Н. Отрочество. Юность : Повести / Л. Н. Толстой. – Москва : Дрофа, 2003. – 256 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

Толстой, Л. Н. Собрание сочинений. Т. 3. Повести и рассказы. 1857-1863гг. / Л. Н. Толстой. – Москва : Художественная литература, 1973. – 414 с.

Тургенев, И. Отцы и дети : роман, повести, стихотворения в прозе / И. Тургенев. – Москва : Эксмо, 2025. – 480 с. – (Всемирная литература (с картинкой)).

Тургенев, И. С. Романы. – Москва : Детская литература, 1975. – 592 с. – (Школьная библиотека).

Тургенев, И. С. Записки охотника / И. С. Тургенев. – Москва : Художественная литература, 1984. – 254 с.

Тургенев, И. С. Собрание сочинений. Т. 6. Повести и рассказы. 1854-1860. – Москва : Художественная литература, 1975. – 366 с.

Тургенев, И. С. Собрание сочинений. Т. 7. Повести и рассказы. 1863-1870. – Москва : Художественная литература, 1978. – 334 с.

Тургенев, И. С. Отцы и дети : роман / И. С. Тургенев. – Москва : Издательство «Олимп», «Издательство АСТ», 2001. – 272 с.. – (Школьная хрестоматия), – Текст : непосредственный.

Чехов, А. П. Собрание сочинений в двух томах. Т. 1. Рассказы и повести / А. П. Чехов. – Москва : Полиграфресурсы, 1999. – 510.

Чехов, А. П. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. / А. П. Чехов. – Москва : Художественная литература, 1973. – 699 с. – (Библиотека классики).

Шолохов, М. Тихий Дон : Роман в 2 т. Т. 1. Книга 1 и 2 / М. Шолохов. – Москва : ООО «Издательство Астрель+ : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 733 с. – (Библиотека школьника). – Текст : непосредственный.

Шолохов, М. Тихий Дон : Роман в 2 т. Т. 2 / М. Шолохов. – Москва : Дрофа, 2003. – 784 с. – (Библиотека отечественной художественной литературы). – Текст : непосредственный.

Алфавитный указатель авторов

А

Астафьев В. П. – **1, с. 3**

Б

Бажов П. П. – **2, с. 9**

Белых Г. – **3, с. 9**

Булгаков М. А. – **4, с. 11**

Бунин И. А. – **5, с. 14**

Г

Гоголь Н. В. – **6, с. 16**

Гончаров И. А. – **7, с. 21**

Горький М. – **8, с. 22**

Д

Достоевский Ф. М. – **9, с. 23**

И

Ильф И. – **10, с. 25**

К

Короленко В. Г. – **11, с. 27**

Куприн А. И. – **12, с. 32**

Л

Лесков Н. С. – **13, с. 33**

Н

Нагибин Ю. М. – **14, с. 38**

О

Островский А. Н. – *15, с. 41*

П

Пантелеев Л. – *3, с. 9*

Петров Е. – *10, с. 25*

Пушкин А. С. – *16, с. 42*

Р

Рекемчук А. Е. – *17, с. 45*

Т

Твардовский А. Т. – *18, с. 54*

Толстой Л. Н. – *19, с. 56*

Тургенев И. С. – *20, с. 68*

Ч

Чехов А. П.

Ш

Шолохов М. А. – *22, с. 80*

Алфавитный указатель заглавий

А

Альберт – *19, с. 56*

Ангел-хранитель – *1, с. 3*

Антоновские яблоки – *5, с. 13*

Ася – *20, с. 68*

Б

Бабушкин праздник – *1, с. 3*

Белые ночи – *9, с. 24*

Бесприданница – *15, с. 40*

В

Василий Тёркин – *18, с. 54*

Вешние воды – *20, с. 69*

Война и мир – *19, с. 57*

Г

Гранатовый браслет – *12, с. 32*

Гроза – *15, с. 41*

Д

Далёкая и близкая сказка – **1, с. 4**

Дачники – **8, с. 22**

Два гусара – **19, с. 63**

Двенадцать стульев – **10, с. 26**

Дворянское гнездо – **20, с. 71**

Детство – **19, с. 64**

Дубровский – **16, с. 43**

Дядюшкин сон – **9, с. 25**

Е

Евгений Онегин – **16, с. 43**

Ермолай и мельничиха – **20, с. 72**

Ж

Жизнь Арсеньева – **5, с. 13**

Житие одной бабы – **13, с. 33**

З

Затишье – **20, с. 72**

К

Каменный цветок – **2, с. 0**

Капитанская дочка – **16, с. 44**

Конь с розовой гривой – **1, с. 7**

М

Майская ночь, или Утопленница – **6, с. 16**

Мальчики – **17, с. 45**

Мастер и Маргарита – **4, с. 11**

Меломаны – **14, с. 38**

Моя жизнь – **21, с. 70**

Н

Несчастливая – **20, с. 74**

Ночь перед Рождеством – **6, с. 17**

О

Обломов – **7, с. 21**

Обрыв – **7, с. 22**

Отрочество – **19, с. 64**

Отцы и дети – **20, с. 75**

Очарованный странник – **13, с. 35**

П

Певцы – **20, с. 77**

Р

Рассказ неизвестного человека – **21, с. 80**

Республика Шкид – **3, с. 9**

С

Семейное счастье – **19, с. 65**

Слепой музыкант – **11, с. 27**

Собачье сердце – **4, с. 12**

Сорочинская ярмарка – **6, с. 18**

Страшная месть – **6, с. 19**

Т

Таня – **5, с. 14**

Тихий Дон – **22, с. 80**

У

Учитель – **5, с. 14**

Ч

Чистый понедельник – **5 с. 15**

Ю

Юность – **19, с. 67**

Предметный указатель музыкальных произведений

А

«Ай-ай, Петроград...», песня – **3, с. 12**

«Александр, Елисавета», песня – **19, с. 63**

«Ахти горе великое, Печаль-тоска несносная...», былина, историческая песня – **13, с. 34**

«Ах вы, сени мои, сени!», русская народная песня – **19, с. 58; 20, с. 74**

Б

«Біжить возок кривавенький», песня – **6, с. 20**

«Белые ночи», пьеса «Май» из фортепианного цикла «Времена года» Петра Ильича Чайковского – **5, с. 16**

В

«В деревне некогда барин...», романс – **20, с. 72**

«Весёлые годы, счастливые дни», романс – **20, с.69**
 «В небе», песня Джованни Пьерлуиджи да Палестрина – **17, с.**
 «Вниз по матушке по Волге...», русская народная песня – **20, с. 73**
 «Волшебница, скажи, какая сила влечёт меня к покинутым струнам...», песня – **19, с. 59**
 «Волынка», пьеса из «Нотной тетради Анны Магдалены Бах» Иоганна Себастьяна Баха – **17, с. 52**
 «Вот гремит слава трубой...», песня кубанских казаков – **21, с. 81**
 «Вот летит и жужжит пчёлка золотая...», русская народная песня – **17, с. 46**
 «В приятную ночь, при лунном свете...», романс – **19, с. 57**
 «В шумном платье муаровом...», романс – **3, с. 11**
 «В ясный день желанный пройдёт и наше горе...», ария Чио-Чио-Сан из оперы «Мадам Баттерфляй» Джакомо Пуччини – **17, с. 47**

Г

«Гаснут дальней Альпухары золотистые края», серенада Дон Жуана Петра Ильича Чайковского – **10, с. 26**
 «Гаудеамус, средневековая песня, гимн студентов – **3, с. 11**
 «Гомін, гомін по діброві», малороссийская песня – **20, с. 24**
 «Гуляй, млада, до поры...», песня – **15, с. 42**

Д

«Девицы, красавицы, душеньки, подруженьки...», хор девушек из оперы – **16, с. 44**
 «Дружбы нежное волнение...», романс – **19, с. 64**

Е

«Евгений Онегин», ария Ленского – **3, с. 10; 14, с. 38**
 «Ехали казаченьки да со службы домой...», казачья песня – **21, с. 82**

Ж

«Жили у бабуси два весёлых гуся...», детская песня – **17, с. 46**

З

«За пана Степана, князя Седмиградского...», песня – **6, с. 21**
 «За рекою за быстрюю мой Ваня гуляет», песня – **15, с. 41**
 «Зелёный барвіночку...», малороссийская песня – **6, с. 19**

И

«Из-за гор крутых, ай, из-за крутых гор...», казачья песня – **11, с.11**

К

«Как донской-то казак, казак вёл коня поить...», казацкая песня – **15, с. 41**

«Как изгаснет зорька ясная, Как задремлет свекровь лютая...», песня – **13, с. 35**
 «Как с любимой я ходил...», русская народная песня – **20, с. 72**
 «Как со вечера пороша...», русская народная песня – **19, с. 61**
 «Капитанская дочь, – Не ходи гулять в полночь...», песня – **16, с. 44**
 «Картошка», детская песня – **1, с. 3**
 «К берегам священным Нила...», марш из оперы Джузеппе Верди «Аида» – **4, с. 13**
 «Клянусь я сердцем и мечом...», романс – **3, с. 11**
 «Ключ», романс – **19, с. 57**
 «Колыбельная», сочинение Анатолия Константиновича Лядова – **17, с. 50**
 «Конь боевой с походным व्यюном...», песня донских казаков – **21, с. 81**
 «Casta diva», ария из оперы «Норма» Винченцо Беллини – **7, с. 23**

Л

«Луна плывёт высоко над землёю Меж бледных туч...», романс – **20, с. 71**
 «Лунная соната» Людвиг ван Бетховена – **5, с. 15**
 «Люли. Люли, люли...», колыбельная песня – **6, с. 19**

М

«Матушка, голубушка», русская народная песня – **20, с. 70**
 «Молитва девы», песня – **5, с. 16**
 «Melancholie C-dur!», музыкальный экфрасис – **19, с. 56**

Н

«Напой мова коня Среди синя моря. Среди синя моря...», русская народная песня – **13, с. 34**
 «Напрасно я забыть ее стараюсь...», романс – **7, с. 21**
 «На сумерки буен ветер загулял...», старинная русская песня – **5, с. 13**
 «Не бійся, матінко, не бійся, В червоні чобітки обуйся...», малороссийская песня – **6, с. 18**
 «Недалеко в стране Иркутской...», песня – **1, с. 4**
 «Не зоря ли, солнышко занималося...», солдатская песня – **19, с. 59**
 «Не искушай», романс – **15, с. 40**
 «Ненаглядный ты мой, как люблю я тебя!», старинный русский романс – **7, с. 22**
 «Не одна во поле дороженька пролегла», русская народная песня – **20, с. 79**
 «Не хилися явороньку, Ще ти зелёненький; Не журися козаченьку, Ще ти молоденький!», малороссийская песня – **6, с. 18**
 «Не шуми, мати зелёная дубравушка...», русская народная песня – **16, с. 45**
 «Но от тайги до британских морей...», песня – **10, с. 26**

О

«Оберон», увертюра к опере Карла Марии фон Вебера – **20, с. 72**

«Ой, вы, морозы! Ой, вы, морозы!», русская народная песня – **21, с. 85**
 «Ой, да возвеселитесь, храбрые донцы-казаки...», песня донских казаков – **21, с. 82**
 «Ой, как на речке было, братцы, на Камышинке...», старинная казачья песня – **21, с. 83**
 «Ой на гори та й женці жнуть», малороссийская песня – **5, с. 14; 6, с. 29; 11, с. 30**
 «Ой, ті, місяцю, мій місяченьку! І ти, зоре ясна!», малороссийская песня – **6, с. 18**
 «О, милый мой, ты песни соловьиной так испугался...», ария Джульетты из оперы «Ромео и Джульетта» – **17, с. 51**
 «Отелло», опера Джоаккино Россини – **20, с. 71**
 «Орлёнок», детская песня на музыку композитора Виктора Белого – **17, с. 50**
 «От Севильи до Гренады», романс, серенада Дон Жуана П. И. Чайковского – **4, с. 12; 20, с. 76**

П

«Подпоручик! Мой огурчик!,,,», песня – **20, с. 71**
 «Полонез Огинского», полонез – **1, с. 7**
 «Поехал казак на чужбину далёку...», казачья песня – **20, с. 80**
 «По улице мостовой...», русская народная песня – **20, с. 70**
 «По улицам ходила большая крокодила», городская фольклорная песня – **3, с. 11**
 «Поэма экстаза», симфоническая поэма Александра Николаевича Скрябина – **17, с. 48**
 «Пою тебе, бог Гименей...», эпиталама из оперы «Нерон» Антона Григорьевича Рубинштейна – **17, с. 53**
 «Приди в чертог ко мне златой...», ария Лесты из оперы «Днепровская русалка» Фердинанда Кауэра – **16, с. 43**
 «Приплыл по океану из Африки матрос...», детская песня – **1. С. 7**
 «Пришла весна», оратория Йозефа Гайдна – **17, с. 50**
 «Прощай ты, город и местечко...», песня донских казаков – **21, с. 83**
 «Псковитянка», опера Николая Римского-Корсакова – **14, с. 38**

Р

«Разлука», русская народная песня – **3, с. 12**
 «Раз полоску Маша жала...», русская народная песня – **1, с. 4**
 «Распашу я, молода-молоденька...», русская народная песня – **20, с. 77**
 «Риголетто», опера Джузеппе Верди – **14, с. 40**
 «Роберт-дьявол», опера Джакомо Мейербера – **20, с. 74**

С

«Сарафан», русская народная песня – **20, с. 70**
 «Севильский цирюльник», опера Джоаккино Россини – **9, с. 24; 14, с. 38**

«Славное море священный Байкал...», романс – **4, с. 12**
«Слышу звон бубенцов издалика», старинный русский романс – **10, с. 26**
«Солнце на закате», песня – **20, с. 74**
«Солнце низенько, вечер близенько...», малороссийская песня – **6, с. 16**
Соната Эдварда Грига – **5, с. 15**

Т

«Терцет», часть духовного произведения «Магнификат» Иоганна Себастьяна Баха – **17, с. 50**
«Течёт реченька...», русская народная песня – **1, с. 3**
«Томимую душу тоской, как мать дитя, успокой...», романс – **8, с. 24**
«Тоска», опера Джакомо Пуччини – **14, с. 40**
«То-то лента! То-то лента...», песня – **13, с. 33**
«Травиата», опера Джузеппе Верди – **14, с. 39**
«Трубадур», опера Джузеппе Верди – **14, с. 39**
«Ты восчувствуй, милая. Как люблю тебя, драгая!...», песня – **13, с. 37**
«Ты родная моя матушка», русская народная песня – **8, с. 23**
«Ты спишь ли? Гитарой тебя разбужу...», романс – **20, с. 68**

У

«Уже утомившийся день...», романс – **8, с. 23**
«Уж как выйду я в сад...», русская народная песня – **5, с. 114**
«Ух ты ль, молодость, моя молодость...», русская народная песня – **13, с. 33**
«У церкви стояла карета...», русская народная песня – **5, с. 14**
«Una voce rосо fa», каватина Розины из оперы «Севильский цирюльник» Джоаккино Россини – **7, с. 22**

Ф

«Фантазия для фортепиано до-минор» (Fantasia in C minor, К. 475), соната Вольфганга Амадея Моцарта – **19, с. 65**
«Фауст», опера Шарля Франсуа Гуно – **14, с. 38**

Х

«Хлопцы, слышали ли вы?», песня – **6, с. 16**
«Ходила младёшенька по борочку...», русская народная песня – **17, с. 46**
«Хожу ль я по улице», цыганская песня – **19, с. 63**

Ц

«Царю верой-правдой служили...», казачья песня – **21, с. 82**

Ч

«Челнок», цыганская песня – **13, с. 36**

Щ

«Щедрик, ведрик», песня (рождественская щедровка) – **6, , с. 18**

Э

«Эй, вы, гусары...», цыганская песня – **19, с. 82**

«Эх, вы, горьки хлопоты...», казачья песня – **21, с. 83**

Я

«Яблочко», русский городской танец и песня – **3, с. 10**

«Я помню чудное мгновенье», романс – **20, с. 70**